

ВАЛЕНТИН ПРОНИН

КАТУЛЛ

Всемирная история в романах

Валентин Пронин

Катулл

«ВЕЧЕ»

2012

Пронин В. А.

Катулл / В. А. Пронин — «ВЕЧЕ», 2012 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-9533-6410-2

Гай Валерий Катулл (87–54 гг. до н. э.) – один из наиболее известных поэтов Древнего Рима и главный представитель римской поэзии в эпоху глубокого кризиса Римской республики. Он прожил короткую и очень яркую жизнь, оставив потомкам несколько десятков великолепных стихов, то язвительно-ругательных, то нежно-лирических, то насыщенных патетикой. Он дружил со знаменитым Цицероном и оратором Гортензием и вместе с Кальвом пылал ненавистью к Юлию Цезарю, бросая в него эпиграммы, к которым будущий император не мог остаться равнодушным. Но главным в жизни Катулла стала любовь к самой беспутной женщине Рима, жене консула Квинта Метелла, которую поэт воспел в стихах как Лесбию.

ISBN 978-5-9533-6410-2

© Пронин В. А., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
I	5
II	8
III	14
IV	17
V	21
VI	23
VII	25
VIII	29
IX	35
X	39
XI	42
XII	46
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	48
I	48
II	53
III	56
IV	58
V	62
VI	64
VII	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Валентин Пронин

Катулл

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Во времена Катилины жил в Риме «латинский Пушкин» – поэт
Валерий Катулл.*

А. Блок

I

Римские дороги прокладывали рационально и тщательно, с отличным знанием дела. Тесанные плиты цементировались на многослойной основе из песка и гравия со стоками для ливневых вод; над низинами поднимались виадуки, сквозь горные хребты пробивались тоннели и коридоры. Дороги опоясали Италию. Важнейшие из них тугим узлом стягивались в сердце республики, Рим завоевывал, процветал, строился. Нескончаемые обозы двигались к нему в палящую жару и под ледяными дождями, днем и ночью при факелах. Сильные мулы выстукивали копытами дорожные ритмы, терпеливо склоняли рога медлительные волы, тащившие доверху нагруженные, неуклюжие и тяжелые, как осадные орудия, телеги с высокими бортами. Колеса громыхали и скрежетали на выбоинах, оси трещали под давлением огромных глыб желтоватого травертина, тенарского и тиволийского мрамора.

В самом начале весны, ранним утром, в составе длинного обоза, направлявшегося к столице по Фламиниевой дороге, катила ничем не примечательная повозка с навесом от дождя и привязанным к кузову багажом. Угрюмый умбр¹, погонявший мулов, не то напевал, не то бормотал что-то невнятное себе под нос. Около него дремал бородатый старик в грубой одежде селянина, а позади, удобно расположившись под навесом, толстяк лет сорока пяти кивал под дорожную тряску сизо выбритым, плавающим в складках жира лицом. Губы толстяка беспрестанно шевелились, выполняя не только словообразовательную функцию, но и выражая множество разнородных чувств в зависимости от содержания слов, льющихся неудержимым потоком. Живость и завидная связность его речи доказывали навык опытного говоруна, для которого способность обойти хитростью с помощью всевозможных доводов и уловок составляла немаловажную часть успеха в повседневных делах. Говорливый толстяк был агентом куратора государственных зернохранилищ и возвращался из северных итальянских областей, где заключал договоры о поставках пшеницы с местными оптовыми торговцами. Звали этого энергичного дельца Олимпий Туск, а его красноречие предназначалось для ушей некоего Катулла из Вероны. С папашей молодого веронца у Туска сложились приятные отношения взаимопонимания и симпатии. Почтенный муниципал² посылал своего отпрыска в Рим, надеясь на его будущее преуспеяние в коммерции и политике. Туск считал такие надежды наивными, тем более что сына-то, по-видимому, больше увлекали не тщеславные отцовские замыслы, а пресловутые римские соблазны. Мнение Туска о его склонностях было вполне определенным. Катулл слушал римлянина с напряженным любопытством, и, посмеиваясь, тот подливал масла в огонь.

---

¹ Умбр – житель Умбрии, одной из областей средней Италии.

² Муниципал – житель итальянской городской общины, получавшей, наряду с некоторым самоуправлением, полные или частичные права римского гражданства.

– Скандалы, измены и разводы... – говорил он, произнося гласные с придыханием на греческий лад, принятым у столичных модников. – Ты не представляешь, милейший, живя в своей тихой провинции, до чего дошло в Риме падение нравов. И ничего уж нельзя поделать, всякие усилия что-либо изменить – бесполезны. Больше ста лет назад великий деятель республики Порций Катон³ сетовал, упрекая сограждан: «Все народы господствуют над женщинами, мы же, господствуя над всеми народами, рабы женщин». Он и тогда-то был прав, а сейчас оказался бы правым вдвойне. Римские матроны растеряли остатки стыда, меняя по много раз мужей и любовников, а некоторые не отказываются и от сожительства с собственными рабами. Неудивительно, что супружеская верность кажется им жалким прозябанием. Все виды разврата процветают в Риме, и в них обвиняются знатнейшие нобили⁴, да, да! Какой пример для молодежи! А лупанары⁵ переполнены женщинами покоренных стран: там и гречанки, и лидийки, и золотокосые фракиянки, и сириянки с глазами серн... там иберийки, что пляшут, как вихрь, и египтянки, хрупкие, но неутомимые в любви, есть и нумидийки – у них кожа цвета каленого каштана...

Туск лукаво нашептывал, забавляясь вздохами молодого веронца, и чем дальше, тем больше сам увлекался своими рассказами.

– Когда-то консулы и сенаторы довольствовались в обед ячменной похлебкой, куском вареной свинины и чашей разбавленного вина... – Туск лицемерно закатил глаза, думая о праведной жизни глубоко почитаемых предков, как об отвратительном варварстве. – Но теперь каждый состоятельный гражданин потчует гостей фазанами на вертеле и печеными павлиньими яйцами... – Почтенный делец не без гордости причислял себя к знатокам изысканной кулинарии. – Откормленных желудями и виноградными выжимками кабанов привозят в Рим из Эпира, а осетров величиной с целое бревно доставляют живыми с далекого Меотийского озера...

По самодовольному и вдохновенному виду Туска было понятно, что он сел на своего любимого конька. В глазах веронца мелькнула искра тайной иронии: настало время и ему посмеяться уткой над толстяком и над его низменным пристрастием.

– Лукринские, байские, тарентские устрицы с керкирским лимоном тают на языке... – ворковал Туск, тряся подбородками и глотая слюну. – Начиненные маком перепела, паштет из соловьиных языков, жаркое из летяг и соней, тушеные с полевыми грибами поросята-сосунки... – измученный вождением обжоры Туск замычал и продолжал поспешно, чтобы не ослабить паузой впечатления. – А вина... Боги всеблажие! Кроме несравненного фалерна, кроме божественного массикского, ты можешь усладиться вкусом греческих, сирийских, иберийских – густых, как мед, смешанных с вываренным фруктовым соком и потому ужасно крепких. Ты будешь видеть переливы и блеск солнечной влаги, слышать бульканье и журчание красных, как кровь, розовых, как заря, желтых, как золото, светлых, как рассветное небо, винных струй и фонтанов...

Расхваливая яства и вина, сноровистый финансист превращался в поэта. Он пыхтел, будто запаленный скакун. Остановившись наконец и сообразив, что поведение его перешло границу приятной общительности, Туск взглянул на веронца плутовато, рокотнул умным, несколько смущенным смешком. С комическим жестом извинения Туск наклонил голову, и круглая войлочная шляпа свалилась ему на колени, открыв вспотевшую плешь. Катулл тотчас использовал неловкий жест толстяка, как повод для смеха, разрушающего всякую натянутую благопристойность.

³ Катон, Марк Порций (II в. до н. э.) – сенатор, государственный деятель, отличавшийся суровым нравом, честностью и прямоотой.

⁴ Нобили – «благородные», господствующее сословие Рима, сложившееся от союза патрицианской родовой знати с богатейшими плебейскими фамилиями.

⁵ Лупанары (Lupanarii) – публичные дома, в которых содержались преимущественно рабыни.

Увидев в очередной раз придорожный постоялый двор, Туск и Катулл вылезали из повозки и поднимались на второй этаж гостиницы. Трактирщик, предупрежденный рабами Туска, уже хлопотал об устройстве отдельной комнаты.

Постоялые дворы напоминали праздничные торжища: крики, суета, пьяный гогот; доверенные богатых торговцев, подрядчики, бродячие актеры и трактирные девки, пилигримы, направлявшиеся к знаменитым святилищам, и просто добропорядочные жители городов и селений, путешествующие по своим делам на лошадях и мулах, в двуколках и пешком, в одиночестве, шумной компанией или присоединившись к торговому каравану. За кружкой вина походя заключались сделки, ссорились, играли в кости, жульничали, сплетничали, скабрезничали, во все горло обсуждали политические новости и военные успехи римских военачальников. Этот трактирный сброд, эти вспыльчивые, крикливые италийцы – граждане и бесправные – утопали в пустых бреднях, суеверных страхах, нелепых пророчествах и страстной лихорадке наживы. Среди оглушительного гвалта только возчики сохраняли степенность и молча ели полбянную кашу, овечий сыр, хлеб и лук, запивая еду разбавленной кислятиной, потом отдыхали немного и возвращались к повозкам – поили и кормили скотину. Снова слышалось хлоппанье бичей, понукающие возгласы, скрип колес с привизгом и надсадом... Обоз трогался и вползал на дорогу.

Надо сказать, Олимпий Туск давно приметил некоторые странности в поведении молодого веронца: обычно внимательный и любезный, тот внезапно замолкал посреди самого оживленного разговора, обводил глазами ровно голубеющий небосвод, будто потерял там что-то важное, изумленно таращился на голые ветви платанов или подолгу следил за полетом ворон, галок и всякой щебечущей мелочи. Вид у него бывал при этом до смешного сосредоточенный. Может быть, он подвержен приступам невменяемости или с деревенским простодушием силится по птичьему полету разгадать предсказания богов? Так или иначе, временами Катулл становился глухим к болтовне всезнающего римлянина. Чрезмерно вежливым такое поведение не назовешь, но Туск не упрекал Катулла: он считал себя слишком просвещенным человеком, чтобы обижаться из-за пустяков.

II

Под надоедливый скрип колес и мерное покачивание проплывали по сторонам городки и селения, постоянные дворы и таверны. Ближе к Риму появились богатые виллы среди голых еще маслинников и садов. Вокруг вздымались невысокие горы, заросшие лесом, курились теплыми испарениями влажные скаты полей, на которых хлопотливо копошились согбенные фигурки земледельцев. Вслед обозу с лаем бежали взъерошенные деревенские псы; россыпью и парами, с граем, писком и щебетом носились над головой растревоженные весной птицы. За Окрикулом по широкому мосту переехали в среднем течении Тибр, грязный, пенистый, урчащий, набухший от февральских дождей, оставили позади Умбрию и оказались в Этрурии, области древних торговых городов и обветшавших святилищ. А когда возчик произнес хрипло «Фидену», Катулл почувствовал невольное волнение: до Рима оставалось рукой подать.

– Жаль, что мы едем не двумя месяцами позже, ты бы поразился красоте этих мест, – говорил Туск, бойко шаря по окрестностям отвисшими в подглазных мешочках, слезящимися от избытка энергии глазами. – Сейчас все здесь голо, а летом фиденские плантации роз и фиалок великолепны. Клянусь жизнью, они не уступают прославленным садам Кум и Неаполя! Мои предки, судя по фамилии, происходили из видимой нами, благословенной страны⁶.

Туск расхваливал Этрурию, но это был уже Лаций. Из-за раскидистых платанов и сосен белел полированный мрамор. Храмы с колоннадами и фамильные склепы знати блистали на солнце, окруженные строем островерхих кипарисов. Гул дороги усиливался, тревожно нарастал, учащая удары сердца. Туск не смолкал ни на мгновение, беспокойно вертелся и размахивал руками, потом сорвал с головы войлочную шляпу:

– Хватит прикрывать темя! В Эреб⁷ варварский колпак! Приехали!

Холмы горбами выпирали, лезли к дороге... Усадьбы, каменные беседки, бедные домики все копились, копились... Что-то необъятное синело вдаль, за холмами, темнее неба и леса.

Туск взглянул на Катулла: веронец сдержанно улыбался, а глаза были испуганные. Нет, что ни говори, малый все-таки странноватый... Чему он хмурится? Чтоб тебе лопнуть, дуралей! Хоходи, радуйся!

– Смотри, Катулл, вон там Рим!

Сбоку, в безлистных деревьях, огромным щетинистым чудовищем громоздился холм Пинций, за ручьем лежало Марсово поле – обширная, плотно утопанная, местами выложенная камнем пустошь, на которой, как известно, происходят смотры отправляющихся в поход легионов, учения новобранцев, шумные собрания плебса, а иногда – праздничные шествия, торжища и представления комедиантов. В отдалении высились мрачные постройки, около них сверкал тонкой иглой золоченый обелиск, и развевались на длинных жердях цветные флаги.

– Там святилища Сераписа и Изида, – пояснил Туск, – возле этих египетских святилищ находятся гостиницы и торговые ряды египтян. Раньше им полагалось быть только здесь, но теперь они проникли в город и уже добрались до Форума. Еще дальше стоят храмы финикийской Астарты и фригийской Кибелы, в них совершаются омерзительно непристойные обряды. Именно потому римляне и стремятся попасть туда всеми силами, слетаются, как мухи на теплый навоз. Вот храм Беллоны, а это старинный цирк Фламиния, в начале своей диктатуры Сулла⁸ приказал согнать в него и беспощадно прирезать несколько сот плененных самнитов⁹,

⁶ Греки называли этрусков тирренами, или тусками.

⁷ Эреб – самое страшное место в подземном царстве Плутона.

⁸ Сулла Луций Корнелий – глава римской аристократии (оптиматов), полководец, диктатор; заносил имена своих политических противников в проскрипции – списки «врагов отечества», уничтожил 200 тысяч человек.

⁹ * Самниты – италийское племя, не раз восстававшее против господства Рима.

оказавших ему сопротивление; бедняги вопили и выли так душераздирающе, что у римлян волосы поднялись дыбом на голове, и многие поняли, какое будущее их ожидает...

Перед путниками протянулась зубчатая городская стена, построенная пять веков назад этрусским царем Сервием Туллием, – кладка была плотная, из больших, грубо обтесанных камней. Но римские кварталы едва умещались за стеной. Они давно сползли с холмов, до отказа набились в окрестные болотистые низины и, вспучившись, как опара в кадке, оказывались за пределами города. Под стеной лепились, будто карабкаясь друг на дружку, лавки, лавчонки, харчевни, попины¹⁰, навесы, мастерские, балаганы мелких торгашей, стряпух и гадалыщиков, предпринимателей и мошенников всевозможных мастей и видов. Людское месиво шевелилось и галдело вокруг Рима так же беспокойно, как и на его узких улицах.

– Слава Эпоне, покровительнице мулов! Добрались благополучно! – возгласил возчик-умбр.

Обоз освободил середину дороги для всадников, носилок, пешеходов и остановился – груженым повозкам запрещалось въезжать в Рим до восхода солнца. Все товары, строительный камень, топливо и продовольствие ввозились в столицу по ночам.

Катулл и Туск расплатились с возчиком и в сопровождении слуг, тащивших багаж, вошли в ворота.

Почти сразу Катулл увидел справа знаменитый храм Юноны и Капитолий, похожий на застывшую тучу, – с легендарной крепостью, древним храмом Юпитера и печально известной всюду Тарпейской скалой. Справившись по воценой табличке¹¹, Катулл спросил Туска, где ему лучше свернуть на Квиринал, чтобы найти на такой-то улице дом всадника Стаберия. Оказалось, ему нужно налево, а Туску прямо, в отдаленный квартал Целия.

– Дом, который ты ищешь, находится, видимо, рядом с храмом Марса – Квирина, найти его легко, – сказал Туск. – До встречи, дорогой Катулл. В Риме, по последним сведениям, обитает больше миллиона человек, считая граждан, приезжих и рабов, – сущий муравейник! Но люди встречаются здесь чаще, чем жители сонного провинциального городка. Надеюсь, ты станешь преуспевать и, наверное, прославишься на избранном тобой поприще. Желаю удачи и запомни крепко римскую поговорку: «Счастье в доходах».

Затем агент куратора государственных зернохранилищ ободряюще подмигнул веронцу, осклабился несколько двусмысленно и позволил себе по-приятельски похлопать его по плечу, после чего быстро зашагал впереди своих рабов по широкой улице, продолжавшей в пределах города Фламиниевую дорогу, и навсегда скрылся из глаз. Умер ли он от неизлечимой болезни, погиб ли в результате несчастного случая, во время уличных беспорядков или от руки разбойника, совершая очередную деловую поездку, покинул ли по неизвестной причине Рим – это осталось для Катулла тайной. Он никогда больше не встречал и даже не слышал имени говорливого толстяка.

Довольно скоро Катулл нашел дом Стаберия, важного седоголового всадника, мечтающего о магистратской должности. Прочитав письмо от его отца, Стаберий согласился сдать веронцу три комнаты с отдельным входом через сад и пожелал ему с помощью отцовских рекомендаций завести полезные знакомства. Предоставив бородачу Титу разбирать вещи, Катулл бросился на улицу. Многообразная жизнь огромного города поначалу мелькала и рябила в глазах, поражая его и нередко заставляя остановиться в каком-нибудь относительно тихом уголке, чтобы разобраться в невыносимой лавине впечатлений.

Ограбив полмира, Рим задыхался от обжорства. Заморские товары переполнили рынки. Республика мчалась в головной упряжке эпохи, в грохоте беспорядков и непрекращающихся

¹⁰ Попина – кабачок, винный погреб.

¹¹ Повседневным писчим материалом у греков и римлян были дощечки, покрытые слоем воска, на которых царапали костяной или металлической палочкой.

войн. Время было бешено энергичным, неожиданным, трагическим. Ростовщики оплели своей паутиной всю Италию: ремесленники, мелкие торговцы и промотавшаяся «золотая молодежь» оказались в плену долговых обязательств. Разорались тысячи свободных земледельцев, бывших некогда основой римского процветания и воинской доблести.

Вчерашние пахари присоединялись к городскому плебсу, заполняя улицы, стиснутые мрачными многоярусными домами. Жители плебейских кварталов стучали, кромсали, сверлили в кислом чаду крошечных мастерских, некоторые занимались торговлей вразнос, но они не могли, конечно, соперничать с обширными предприятиями и роскошными лавками богачей. Труд свободных становился ненужным: всюду гнули спины тысячи рабов. Разоренные плебеи успешно сводничали и воровали, превращались в нахлебников государства и предпочитали ждать, когда будет объявлено голосование. Ждали раздачи денег, гладиаторских состязаний и пиров, которые устраивал, покупая голоса, очередной кандидат на должность консула, претора или трибуна. Нищие граждане искали богатого патрона, чтобы низкопоклонствовать и кланяться. Чтобы ежедневно иметь горсть оливок и кружку вина. Чтобы уплатить за каморку, где на вонючем тряпье валялась голодная семья. Чтобы – бездельничать.

Плебеи жили в доходных домах, у которых обваливались кусками скверно оштукатуренные стены и рушились шаткие лестницы, в трущобах часто горевших по недосмотру или от злого умысла. Зимой в них пронизывало холодом и заливало дождями, летом удушало жарой. Такие «клоповники» строили на Авентине, Эсквилине, Целии, Квиринале и сырой низкой Субурре¹². Доход шел Крассу или Лукуллу¹³. Не стеснялись они содержать и лупанары. А голодранцы, отребье, сброд гордились славными завоеваниями республики. Гордились ремесленники, искалеченные ветераны победоносных легионов, комедианты, сводники и воры.

Но дворцы и базилики строились вдали от дыма мастерских и скрипа обозов, вдали от запаха нищеты и плебейской ненависти. Катулл поднимался на Палатин, хранящий торжественное молчание, украшенный прекрасными виллами и уединенными садами. Чаще всего он стремился на Форум – старый рынок, давно преобразившийся в средоточие государственности. Форум звучал гулкой медью истории, сверкал роскошным блеском мрамора, позолоченными барельефами и священными надписями на фронтонах храмов. Вот огромный Табуларий – хранилище важнейших документов, за ним вход в подземелье Карцер, тут же храм Согласия и Триумфальная арка, чуть наискось место, где настроением развращенной и легковерной толпы управляют с ростральной трибуны предводитель оптиматов Марк Порций Катон, честолюбивый миллионер Красс, великий оратор Цицерон, коварный и великодушный Цезарь¹⁴ и другие римляне, прославленные доблестью, красноречием и силой духа.

Форум гудел и рокотал, выстраивался рядами бесчисленных колоннад, наваливался громоздкой тяжестью мрамора и гранита. Пурпурные полосы на тогах магистратов и сенаторов, расшитые паллии и драгоценности матрон, завитые головы, тросточки и ухищрения щеголей – это Форум. Лавки с роскошными восточными диковинами, зеваки со всех концов света, философы и поэты – это тоже Форум.

Расточительный, изменчивый, праздный, Рим будто ждал, кто же наконец снова обретет над ним власть.

Пожалуй, только трое римских магнатов обладали сейчас возможностью успешно применить эту силу. Так рассуждали уличные болтуны, взвешивая и прикидывая, насколько велики богатство и политическое влияние этих известных всем нобилей.

Гней Помпей после длительной войны разгромил понтийского царя Митридата и превратил Малую Азию и Сирию в новые провинции Рима. Иудея, раздираемая династическими

¹² Название холмов и болотистой низины, где располагались, главным образом, плебейские кварталы.

¹³ Красс и Лукулл – знаменитые полководцы, богатейшие граждане республики.

¹⁴ Цезарь Гай Юлий – выдающийся полководец и государственный деятель, впоследствии диктатор.

и религиозными распрями, признала свою полную и безнадежную зависимость. Армения спешила заверить в дружбе и преданности. Только огромная Парфия противостояла натиску железных легионов Помпея, и дремал у своих пирамид, еще не подвластный Риму, дряхлый Египет. Помпей привез с Востока несметные сокровища, пригнал многотысячные вереницы пленников и удостоился грандиозного триумфа¹⁵.

Катулл однажды видел этого прославленного полководца. В сопровождении пышной свиты Помпей прошествовал в цирке на почетное место, приветствуя поднятой рукой ликующую толпу. Плотный, с толстой шеей, широким лицом простонародного склада, он снисходительно улыбался и самодовольно раздувал ноздри короткого, вздернутого носа. Катулл заметил про себя, что коричневые глаза Помпея, при самой благожелательной улыбке, остаются неподвижными и холодными. Недаром существует мнение, будто частое созерцание трупов придает человеческим глазам особое свойство: они покрываются несмываемой пленкой равнодушной жестокости и уже не способны выразить искреннюю радость или участие.

Про Юлия Цезаря на Форуме рассказывали, что он успешно воюет в Испании с непокорными племенами лузитанов. Ему около сорока лет, он сохранил в походах аристократическую белизну кожи и аттическую элегантность, хотя начал лысеть со лба и с ним случился неожиданно припадок падучей. Цезарь известен своей поразительной памятью: он знает по именам всех своих центурионов¹⁶ и даже многих солдат. Он не боится рисковать, умеет принять молниеносное решение и ежедневными упражнениями укрепляет выносливость. Испанские легионы провозгласили Цезаря императором¹⁷, и, конечно, он тоже рассчитывает получить триумф. Кроме того, утверждали упорно, будто Цезарь собирается выдвинуть свою кандидатуру на должность консула. Цезарь был известен в Риме любовными похождениями. Эта сторона жизни знаменитого римлянина тоже занимала Катулла, он наострял уши, когда передавали сплетни о многочисленных связях Цезаря. В сплетнях мелькали имена римских красавиц, и среди них упоминались Тертулла, жена Марка Красса, и Муция, жена Гнея Помпея.

Кроме триумфа и борьбы за консульское кресло, Цезаря ожидали кредиторы, которым он задолжал около ста миллионов сестерциев.

Поседевший, тучный Марк Красс, хотя и не боялся кредиторов, но не меньше Цезаря жаждал военной добычи. За ним, сказочно богатым рабовладельцем и банкиром, стояло сословие всадников, которому требовался политик, умеющий обеспечить наилучшие условия для откупа налогов. Свое огромное состояние Красс приобрел, скупая имущество, конфискованное у жертв сулланских репрессий, и строительством доходных домов. Богатство и честолюбие Красса росли, он стремился продолжить восточные завоевания Помпея.

Кроме грязной пены политических сплетен, постоянно обсуждались скандальные похождения нобилей, знатных матрон, известных литераторов и актеров. Рим лихорадило, среди тревожного гула мятежей и триумфов все – от оборванного пролетария до властного магистрата – искали в разнузданных оргиях немислимых ощущений и вакхических зрелищ. Целомудренная Лукреция¹⁸, не перенесшая насилия и убившая себя, казалась анекдотически смешной. Этот сюжет в непристойном и пародийном виде разыгрывался в уличных шутовских представлениях.

Катулл не раз слышал, как доморощенные философы разглагольствовали со скорбным и несколько лицемерным пафосом: «Побежденная Греция пленила победителей своей изнежен-

¹⁵ Триумф – наивысшая воинская почесть для римского полководца, торжественное шествие в сопровождении легионов и знатных пленников.

¹⁶ Центурион – сотник, младший командир в римской армии.

¹⁷ Император – во времена республики титул полководца, которому за его победы вручали империй – знак нераздельной власти.

¹⁸ Легендарная римская матрона, которую обесчестил сын Тарквиния Гордого, царствовавшего в Риме. Преступление царского сына настолько возмутило народ, что началось восстание, царей изгнали, и была провозглашена республика.

ностью, склонностью к наслаждениям...» Моралисты говорили справедливые вещи. Однако никто не думал отказываться от чужого богатства, пленников и роскошной жизни. Не только Греция развратила своих победителей, – лукавый, чувственный Восток опьянил сладостной тысячелетней отравой сознание суровых квиритов¹⁹. Смуглый Египет и чернокошая Финикия иступленно ворвались в грубое веселье римских пиров.

Что же касается римского искусства, – о нем Катулл сделал для себя заключение, самонадеянное и поспешное. Он решил, что искусство и поэзия достигают высот не только во времена благополучия общества, но и в периоды неуверенности и смут. Об этом тоже спорили под базиликами. Катулл внутренне соглашался с теми, кто считал искусство крепнувшей государственности выраженным в величавой монументальности и прославлении героизма.

Всклопоченные бородачи в пропотевшей одежде, подпоясанные веревками, призывали отказаться от городской роскоши и уйти за стадами в луга и горы, беспечно брэнча на кифаре и дую в свирель. Они искали сочувствия у собеседников и старались выклянчить у них несколько монет. Изящные молодые люди смеялись над бородачами. Менять блеск столицы на зачумленные трясины и иссушенные пустыри не улыбалось никому. Больше препирались в том, что важнее описывать стихами: отвагу непреклонных воителей или тревоги неразделенной страсти? Шумели и ругались, пока не спускалась ночь.

Катулл с удивлением видел: болезненное, бредовое состояние республики не мешает распространению образованности. Греция продолжала овладевать душами победителей. В Риме ни один человек не мог считать себя достойным уважения, не зная греческого языка и поэзии – от Гомера до Каллимаха²⁰. Когда послы из Александрии выступали перед сенатом, им не потребовался переводчик. Величайшие ораторы Цицерон и Гортензий так же выразительно произносили речи по-гречески, как и по-латински. Большинство молодежи из высших сословий получали или усовершенствовали свои знания в Афинах, на Родосе, в Александрии. Щеголи меняли тяжелую традиционную тогу на изящную аттическую хлену. Виллы богачей были уставлены греческими статуями и увешаны греческими картинами. Стали прививаться, не исключая излюбленных гладиаторских боев, греческие гонки на колесницах. Коринфские бронзовые вазы стоили несметных сумм. Изысканно красивые рабы покупались за сотни тысяч сестерциев. Рим смотрел греческие комедии и трагедии. Рим слушал греческих кифаредов. Рим применял в строительстве греческие архитектурные стили.

Но все же Рим всегда оставался Римом.

Он перенял у этрусков религию, и она стала его государственной религией. Он заимствовал у самнитов оружие и покорил им и самих самнитов, и другие народы. Он разгромил карфагенский флот и теперь был повелителем морей. Рим впитывал греческое искусство и создавал свое, римское. Катулл нашел, что стихи стали увлечением, страстью, манией тысяч римлян. Стихи сочиняли сенаторы, всадники, знатные матроны, ремесленники и актеры, свободные граждане и рабы. Кроме ораторского и полководческого гения, только стихи могли принести высшую славу и признательность народа. Римляне чтили память основателя римской поэзии, грека Ливия Андроника. Кроме эллинской классики, на римской сцене ставили веселую бытовую кутерьму Плавта, «слезные» комедии карфагенского раба Теренция и назидательные трагедии Акция и Пакувия. Саркастическая усмешка, обличавшая пороки общества, впервые блеснула в бесстрашных стихах Луцилия.

Но особым преклонением «истинных» патриотов и моралистов республики пользовался «римский Гомер» – Квинт Энний. Ему подражали, его прославляли и без усталости восхищались звучащими тяжеловесной бронзой строками поэм и трагедий. Все эти зачинатели оставили

¹⁹ Квириты – официальное название римских граждан.

²⁰ Каллимах (III–II вв. до н. э.) – выдающийся греческий поэт из Александрии, живший при дворе эллинистического правителя Египта, царя Птолемея Филадельфа. Особого мастерства Каллимах достиг в маленьких поэмах-эпилиях и лирических стихотворениях эротического и шутливого характера.

незабываемое наследие и отступили в небытие. Стихами увлекались Цицерон и Гортензий, Цезарь и Варрон²¹. В стихах был издан трактат об агрономии и сборник кулинарных рецептов. Издатели и хозяева книжных лавок стремительно богатели.

А тем временем в Риме появились новые поэты. О некоторых из них уже говорили знатоки, другие, неизвестные, бродили где-то рядом в толпе, мечтая о скором успехе. Это были молодые муниципалы, уроженцы италийских городов, чьи деды или отцы добились римского гражданства. У них сложились свои взгляды на современную поэзию. Образованные и настойчивые, они смело вторгались и в политику.

Хотя рекомендации отца давали Катуллу доступ в два-три аристократических дома, он предпочитал им базилику Эмилия, где спорили о политике и поэзии, храм Минервы на Авентине, возле которого обсуждали свои дела актеры и драматурги, и всегда собиралось немало хороших вольноотпущенниц. Ему нравились торжественные процессии по Священной улице, книжные лавки на Аргилете с перечнем книг, нацарапанном на дверце, болтовня прорицателей, ворожей и фокусников, снующих у Большого цирка на Капенской улице. Постепенно Рим раскрывался внимательному взгляду веронца.

Рим роскошествовал и гордился. Стремительная мощь римских завоеваний представлялась неиссякаемой, неудержимой, но внутри грандиозного здания республики все предвещало потрясения и катастрофы, повсюду замечались признаки разложения и предсмертных мук. Таков был этот огромный перенаселенный город, расплзшийся по холмистому берегу мутного Тибра, в шестьсот девяносто четвертом году от своего основания²².

---

²¹ Варрон, Марк Теренций – ученый-энциклопедист, поэт, государственный деятель, современник Цицерона и Катулла.

²² 60 г. до н. э.

III

Звякнуло дверное кольцо... Дверь глухо хлопнула, и застучали торопливые шажки... Пожар, что ли? Мятёж в городе?

Катон, читавший у себя в таблине²³, поднял голову.

Вздор! Это спешит с новостями Кальв, знаменитый оратор, едва достающий ему до плеча макушкой. (Шажки стремительно приближались.) Кальв всегда жаждет быть в центре событий – и не только на шумном Форуме, где недостаток роста возмещается его выдающимся красноречием, малыш всюду старается привлечь удивленные взгляды: озадачить, произвести впечатление – его постоянная забота. Он и сейчас наверняка войдет как-нибудь необычно... с кичливым возгласом и вскинутой вверх рукой... Недурно бы испортить тщеславному коротышке эффект внезапного появления.

Скрывая улыбку, Катон склонился над развернутым свитком.

Отброшенный занавес взлетел чуть не до потолка... Качнулись восковые личины предков... И бронзовый светильник грохнулся об пол. «О, разбойник!» – Катон спохватился, но Кальв уже стоял перед ним, бурно-взволнованный, в белоснежной тоге, ниспадающей гармоничными складками, и в башмаках на толстой подошве.

– Хочешь услышать, как нас обозвал Цицерон²⁴? – спросил Кальв без предисловий.

Слегка досадуя на свою оплошность, Катон кивнул.

– Представь «отца отечества» и толпу благоговеющих почитателей, – продолжал хлопотливый щеголь. – Муза да пошлет тебе живость воображения... Какова картина! Ни дать ни взять: Аристотель с учениками на дорожках Лицея²⁵!

Патетически восклицавший Кальв выглядел забавно: низенький, утомительно-шумный, напомаженный человек. Суший лицедей на котурнах. Впрочем, лицо его было прекрасным: мужественное лицо римлянина с черными живыми глазами.

– Нельзя ли без истасканных сравнений?

– Дай мне высказаться в стиле понаторелых адвокатов! Все утро я вынужденно молчал и...

– Что же сказал Цицерон?

– О, всеблагие боги! О, век нетерпения и суеты!

Кальв начал пародийную игру, столь любимую и распространенную в Риме. Если он приходил в приподнятом настроении, то унять его было нелегко.

– Клянусь Юпитером, ты выведешь меня из себя! – с шутливым негодованием вскричал Катон.

– Итак, Цицерон рассуждал о риторике и поэзии...

– И, разумеется, процитировал Энния²⁶: «Нравами древними держится Рим и доблестью граждан...»

– В этом доме ничего нельзя рассказать! – возмутился Кальв. – Здесь все заранее знают, и нет смысла молоть горох²⁷... Слушай же, грубиян! Пока Цицерон вещал о риторике, толпа заворуженно глядела ему в рот. Но лишь только речь зашла о поэзии, поднялся галдеж, как на птичнике, – каждый старался показать себя знатоком. Цицерон переждал, когда болтуны

²³ Таблин – личная комната, кабинет.

²⁴ * Марк Туллий Цицерон – величайший оратор, государственный деятель и писатель Древнего Рима.

²⁵ Аристотель – великий греческий философ, свои беседы проводил в саду, называемом Лицей, или Ликей.

²⁶ Квинт Энний, II в. до н. э. – римский поэт, писавший эпические трагедии и поэмы.

²⁷ * Игра слов: по-латински фамилия Цицерон (Cicero) означает «горох».

уймутся, а потом произнес небрежно: «Нынче меня донимала бессонница... И я сочинил за ночь пятьсот отличных стихов...»

Катон засмеялся, качая гладко выбритой, как у египтянина, головой.

– О, божественный Марк Туллий! – потешался он. – Клянусь священной тройкой²⁸, скромность никогда не будет его главным недостатком.

Кальв рассказывал дальше:

– Тут из толпы вынырнул книгоиздатель Кларан и спросил Цицерона: «Что ты думаешь по поводу сообщества молодых поэтов, кропающих безделки и эпиграммы?» – «Ясно, кого ты имеешь в виду, – ответил Цицерон. – Это Валерий Катон – их заводила, да еще несколько нагловатых молодцов. С ними стакнулся и оратор Лициний Кальв. Ну, от него-то здравомыслия тем более ожидать не следует. Все они подражают Каллимаху²⁹, лощеному александрийскому царедворцу. Их неприличные сборища я назвал бы... «попойками неотериков»³⁰.

– Неотериков? – переспросил Катон.

– «Отцу отечества» претит легкомыслие, каким он считает искренний и веселый тон. Кроме того, Цицерон намекает на происхождение наших друзей – недавних граждан из северных муниципий³¹...

Сердито нахохлившись, Кальв быстрыми шажками расхаживал перед Катоном.

Катон пожал плечами:

– Когда-то самого Цицерона упрекали именно в том, что он выскочка, плебей из захолустного городишки Арпина...

Катон подошел к книжному шкафу, где хранились заключенные в футляры папирусы. На его худом лице появилось сосредоточенное, почти благоговейное выражение. Катон не домогался государственных должностей и непосредственно не занимался политикой; скандалы Форума увлекали его, как и каждого в Риме, но большую часть досуга и всю душевную энергию он отдавал поэзии и книгам.

– Вот речь Цицерона, произнесенная лет двадцать тому назад, – пояснил Катон, разворачивая один из свитков. – «От меня не скрыто, сколь безмерна ненависть знати к рвению новых людей. Отвернешься – и ты в засаде; дашь хоть самый малый повод для подозрений – и ты под ударом... Вечно мы на чеку, вечно мы в труде». Сейчас он наверняка отказался бы от того, что опрометчиво высказывал начинающим адвокатом.

– Каких только противоречивых мнений ни найдешь в речах этого лицемерного человека... Ну, и Цицерон! – с неожиданной ненавистью сказал Кальв.

– Цицерон? Опять Цицерон? – воскликнул, заглядывая в таблин, миловидный юноша в выцветшей тоге.

– Фурий! Входи, юное дарование! – крикнул Кальв. – А где твой дружок Аврелий? Вы же неразлучны, как пара идиллических голубков!

Убрав свиток с речами Цицерона, Катон предложил подождать, пока соберутся все...

– ...неотерики, – закончил за него Кальв. – Такое название нам придумал все тот же несравненный «отец отечества».

– Так вот отчего вы тут перемывали кости самому речистому среди римлян!

Катон осуждающе покачал головой:

– В ораторском гении Цицерона не превзойти...

– Особенно при самовосхвалении, – добавил Кальв.

---

²⁸ Священная тройка – Юпитер, Юнона и Минерва.

²⁹ Каллимах – III в. до н. э. – выдающийся эллинистический поэт-лирик.

³⁰ * Неотерики (*греч.*) – новые поэты, здесь: в значении «модернисты».

³¹ Муниципии – итальянские городские общины; их жители пользовались полным или частичным правом римского гражданства.

– Я понимаю тебя, Лициний, ты не можешь забыть несправедливого обвинения твоего отца³²...

– Это была политическая игра, грязнейшая из грязных! Оптиматы ненавидели моего отца – защитника плебса. Цицерон – тогда уже двуличный – выбран сенатом для обвинения... Отец не перенес позора... Он покончил с собой в тот день, когда его объявили мздоимцем.

Катон положил руку на плечо Кальва.

– В характере Цицерона много отрицательных черт, – сказал он. – Но он не предаст республику и не потерпит единовластия, ради этого я прощаю ему все недостойные слова и поступки.

Кальв сбросил с плеча руку Катона и, сверкая черными глазами, закричал:

– Какое примерное благонравие! Цицерон – поборник справедливости... Все сенаторы – тоже... А кто был Сулла³³? Тиран! Кровавое чудовище! И его терпели и боялись!

Фурий испуганно вскочил, ему показалось, что Кальв и Катон поссорились.

Неслышными шагами вошел красивый, стройный Квинт Корнифиций, оратор и поэт. Приветливо улыбаясь, он обнял Катона.

Кальва как подменили: он со смехом повис на шее у Корнифиция. Потом усадил его в кресло и принялся рассказывать о прозвище, полученном ими от высокомерного Цицерона.

---

³² Отец Кальва – известный оратор, народный трибун Гай Лициний Макр, в своих речах неоднократно обличал сенатскую аристократию – оптиматов.

³³ Луций Корнелий Сулла – глава оптиматов, полководец, диктатор; заносил имена своих политических противников в проскрипции – списки «врагов отечества», уничтожил 200 тысяч человек.

IV

Таблин наполнялся гостями. Они здоровались с хозяином, целовались (нелепый обычай, привезенный с Востока) и полукругом рассаживались на скамьях.

Все были в расцвете молодости; их туники из кипрских тканей, с пушистой бахромою на рукавах, даже самыми рьяными модниками признавались верхом роскоши и изящества, а широленные, как паруса, хлены³⁴, предпочитаемые традиционным тогам, скреплялись золотыми застежками. Волосы их, благоухавшие сирийскими ароматами, были завиты, щеки и подбородок – гладко выбриты. Впрочем, известный поэт Тицид носил остроконечную бородку, как на статуях древних египетских царей.

Маленький Кальв смешил Корнифиция, и оба хохотали без церемоний. Придвинувшись к ним, улыбался коренастый, белокурый Гай Гельвий Цинна, чрезмерно самоуверенный, но, по общему мнению, подающий надежды юноша. Рядом беседовали на великолепном койнэ³⁵ историк Корнелий Непот и занимавший значительную государственную должность знатный аристократ Меммий. Непот со знанием дела объяснял родственные связи кипрских и египетских Птолемеев³⁶, глядя в лицо собеседника спокойными серо-голубыми глазами. Статный красавец Марк Целий Руф, бравший у Цицерона уроки ораторского искусства, записывал стилем³⁷ на воощенной табличке стихи, которые ему диктовал черноволосый, смуглый Тицид. Его переспрашивал и дергал за рукав круглолицый и толстый Манлий Торкват, происходивший из прославленной патрицианской фамилии. В кругу друзей-поэтов он вел себя добродушно и непритязательно, все называли его запросто – Аллий. Читая стихи, Тицид хмурил сросшиеся брови и поглаживал напомаженную бородку. На руке его белел перстень – яшма в виде нильского лотоса: среди молодежи «восточное» было в моде.

Шум начал стихать, когда в дверном проеме возник, весело подбоченившись, широкоплечий и массивный Альфен Вар, весьма преуспевающий адвокат. За ним следовал молодой человек среднего роста, одетый с неловкой тщательностью провинциала. Он покусывал нижнюю губу и слегка сутулился, смущаясь устремленных на него любопытных взглядов.

Вар сиял, лицо его выражало жизнелюбие и уверенность. Он поднял ладонью вперед мощную, как у гладиатора, руку.

– *Sit venio verbo*³⁸! – с шутливой торжественностью возгласил Вар. – Досточтимые поэты, представляю вам моего друга и земляка Гая Катулла!

– Опомнись, не вопи во все горло, – поморщился Кальв. – Если ты будешь так стараться, мы скоро оглохнем...

– Что ж, добро пожаловать, – приветливо сказал Катон, пожимая руку Катуллу.

Вар продолжал греметь:

– Я счастлив привести к вам Катулла, цвет римской и транспаданской³⁹ молодежи! Связи отца, быть может, и откроют перед ним двери знатных, но истинную пользу ему принесут поэтические соревнования, а также советы нашего ученого и высоконравственного председателя...

³⁴ Хлена – легкая греческая накидка.

³⁵ Койнэ – общегреческий литературный язык.

³⁶ * Птолемеи – династия эллинистических правителей Египта и о. Кипр.

³⁷ Стил – в первоначальном значении – железная или костяная палочка, которой писали на воощенных дощечках.

³⁸ *Sit venio verbo!* (лат.) – Да будет позволено сказать!

³⁹ Транспаданцы – жители Северной Италии, которая делилась на Транспаданскую и Цизальпинскую Галлию, и, хотя Катулл происходил из Вероны, находившейся в Цизальпинской Галлии, в одном из своих стихов он называет транспаданцев земляками.

– Вот беда, что ты не можешь приписать эти редкие качества себе, – насмешливо перебил его Корнифиций и подмигнул Катулле, которого знал с ранней юности.

– Мне знакомы твои певучие элегии и потешные ямбы⁴⁰, Гай Валерий, – с мягкой улыбкой произнес Кальв.

Подошли остальные участники собрания. Они хвалили стихи Катулла и пылко заверяли в верной и вечной дружбе. Большинство оказалось земляками: Фурий Бибакул, как и Альфен Вар, приехал в Рим из Кремоны, Цинна – из Бриксии, Непот и Корнифиций были веронцами, а Валерий Катон, хотя и родился в столице, но имел множество родственников в Цизальпинской Галлии.

Понятие «дружба» еще не стало для них таким относительным и расплывчатым, каким оно обернулось в меркантильном Риме. Не только политическое единомыслие или общее времяпрепровождение определяли это веками утвержденное понятие. Оно означало сообщество мужчин, скрепленное почти братскими отношениями. По первой просьбе друга италиец предоставлял ему все, что мог: кров, деньги, содействие в делах и, если требовалось, жизнь и меч. Без колебаний он шел на любые жертвы и, со своей стороны, вправе был ожидать того же.

Пожимая руки молодых щеголей, Катулл чувствовал искреннее волнение. Теперь он не просто некий транспаданец в миллионной толпе Рима, а член союза известных литераторов, влиятельных и сплоченных земляков.

– Где ты живешь, Гай Валерий? – спросил Тицид. – Ты, конечно, купил виллу на Палатине⁴¹?

– У моего отца нет богатств Красса⁴². Я снял пристройку на Квиринале за две тысячи сестерциев в год.

– Тебе повезло, квартира в доходном доме обходится не дороже. А сколько с тобой рабов?

– Ни одного. Мое немудреное хозяйство ведет старик Тит, крестьянин из наших мест.

– С удовольствием одолжу тебе рабыню, когда понадобится. – Аллий сделал на щеках хитрые ямки.

– Ну, без этого Катулле не обойтись, – развязно вмешался Вар, – уж я его знаю. В Вероне все девчонки только и вздыхают по его похабным стишкам.

– Что-то ты, Альфен, подозрительно наговариваешь на Катулла. Видно, он отбил у тебя какую-нибудь красотку... – лукаво сказал Аллий, толкая адвоката в бок.

– Верно! – закричал Корнифиций. – Было такое, когда они еще бегали учиться к греку-грамматику!

– Гнусная клевета! Плут Корнифиций хочет меня унижить! – Вар схватил за ножку тяжелое кресло и замахнулся на Корнифиция. – Разве можно предпочесть мне заморыша Катулла! Клянусь Юпитером и всеми остальными богами, это абсурд!

– Прекрати сейчас же свой шутовский монолог! Ты сведешь нас с ума, хвастливый петух! – качаясь от смеха, завизжал Кальв.

Повернувшись к нему, Вар ударил себя в грудь кулаком: он изображал ужимки уличных мимов. Кальв повалился со скамьи на пол и потащил за собой хохочущего Цинну. Катон бросил в Вара подушкой, но адвокат не унимался:

– Клянусь Меркурием, моим покровителем! Вы все завистливые неудачники!

– Меркурий – покровитель торгашей и бродяг, – вставил Тицид.

– Превозносить передо мной какого-то пустомелю! – продолжал Вар. – Да не будь я сыном славного кремонского башмачника, если не разражу вас в пух и прах, молокососы! (Вар дей-

---

⁴⁰ Ямб – здесь не в значении стихотворного размера, а как стихотворение на бытовую, часто шутивную, тему, то же, что «безделка».

⁴¹ Палатин – аристократический квартал Рима.

⁴² Марк Красс – откупщик и банкир, первый богатч республики.

ствительно был сыном зажиточного ремесленника и в юности учился тачать башмаки.) – Что похвального совершил этот Катулл? – Вар размахивал толстыми руками, пародируя приемы ораторов. – Небось обегал все веселые дома да совлек с добродетельного пути сотню замужних женщин! Во всяком случае, когда я случайно увидел его на улице, кажись, на Гончарной, он любезничал с какой-то черномазенькой потаскушкой... Ему ведь нужна каждый день новая...

Внезапно Катулл вспыхнул и завопил голосом уличного разносчика:

– Как ты смеешь, увалень, выставять меня в подобном виде! Ты же врешь, как пьяная старуха! Да я тебя так отделаю, что распухшими губищами ты сойдешь за эфиопа!

– Отделаешь? Ты? Распутник! Веронский щенок!

Катулл бросился к Вару и вцепился в него, как остервенелый пес в хвост медведя. Тицид, Катон, Фурий, Руф подбежали, чтобы разнять их, и все вместе повалились на Кальва и Цинну.

– Пощады! Не буду больше! Сдаюсь на милость! – орал из-под кучи тел Альфен Вар.

Друзья поднимали скамьи и рассаживались, тяжело дыша. Остолбеневший от изумления Меммий только теперь догадался, что перед ним разыграли обряд поругания, затеянный «от сглаза» неугомонным Варом. Весельчак Аллий хохотал до обморока, его едва привели в чувство.

– Ох, мои милые, перестарались, – стонал Вар, вытирая мокрое лицо подолом туники. – Тицид, это ты намял мне ребра своей черной ручищей? Если после таких шуточек я отправлюсь к старикашке Харону⁴³, кто же защитит македонян от Антония⁴⁴?

– Ну, за хорошую-то мзду найдут хоть сотню адвокатов... Правда, надо отдать должное твоей смелости. Не всякий согласится всенародно выступить против хапуги Антония, зная его свирепую мстительность...

Кальв прошелся с глубокомысленным видом и сказал, обращаясь ко всем одновременно:

– За два дня перед идами марта⁴⁵ на Форуме произошла потасовка наподобие вашей. Некоторые граждане рисковали расстаться с жизнью, отстаивая свое мнение.

– В чем же причина такой неистовой ярости? – удивленно спросил Цинна.

– Пусть Кальв покажет свое искусство Цинне и Катуллу, – перебил его Руф. – А мы почитаем излияния Тицида о его безумной страсти к вертушке Метелле...

– При чем тут Метелла! – разозлился Тицид. – Ты же видишь, здесь в элегии написано «Перилла»...

– Прости, мой Тицид, – лукаво оправдывался Руф, – я всегда путаю эти похожие имена: Периллу и Метеллу...

– Сладостно закройте глаза и откройте уши, – шептал Вар так, чтобы слышно было во всех углах. – Сейчас карапузик Лициний блеснет новоаттическим красноречием...

Показав ему маленький кулак, Кальв рассказал об очередном политическом скандале, не забывая о выразительных приемах модной риторской школы. В этом скандале принимали участие такие знаменитые римляне, как полководец Помпей, сенатор Марк Порций Катон и консул Метелл Целер.

– Боги, что происходит в республике! О, мерзость и падение! – восклицал Кальв, простирая одну руку к слушателям, а другую прижав ко лбу.

– Про Помпея я знаю кое-что. А кем представляется вам консул Целер? – спросил Катулл, внимательно слушавший маленького оратора.

Ему ответил председатель поэтического кружка.

⁴³ Харон – мифический лодочник, перевозящий души умерших через реку Ахеронт в мрачное царство смерти.

⁴⁴ * Гай Антоний – полководец и политический деятель; будучи правителем Македонии, ограбил и разорил ее. Македоняне послали делегацию с жалобой в сенат.

⁴⁵ «За два дня перед идами марта» – 14 марта.

– Пожалуй, я присоединюсь к Цицерону, который назвал Метелла Целера совершенною пустотой. Впрочем, Целер бесстрашный вояка, да и на Форуме его никто не может смутить...

– Этому грубияну служить бы центурионом⁴⁶ в пехоте... – сердито проворчал Кальв.

Толстяк Аллий считался неиссякаемым кладезем светских сплетен и при таком повороте разговора сразу почувствовал себя как рыба в воде.

– Про Целера сложили забавное присловье. Он, мол, единолично владеет своим богатством, поместьями, рабами и только жену по-братски делит со всем народом...

Аллий сказал это с милым лукавством, он был очень добродушен для отпрыска патрицианского рода и разносил сплетни, избегая явно оскорблять кого бы то ни было.

– Пропадите вы пропадом, болтуны! – внезапно вскричал Тицид. – Клянусь золотой лирой Аполлона, зачем мы собрались? Чтобы обсуждать похождения консульской жены?

– Наш застенчивый друг, – пропел Аллий, обнимая Тицида, – боится, как бы от обсуждений супруги Метелла Целера мы не перешли к его двоюродной сестрице Метелле, в которую наш друг так пламенно влюблен...

– И которую в своих стихах тщетно прикрывает именем никому не известной Периллы, – ехидно добавил Руф.

---

⁴⁶ Центурион – сотник, младший командир в римской армии.

V

Тем временем в таблин вошел пожилой раб-ионец⁴⁷ и шепнул несколько слов хозяину. – Гелланик сообщил, что готово скромное угощение, – сказал Катон, вставая. – Прошу перейти в триклиний⁴⁸.

– Не думай отведать здесь изысканных разносолов, – предупредил Катулла Альфен Вар. – У нашего дорогого Катона легкое помешательство на идее простоты золотого века... Клянусь Меркурием, сам увидишь!

Вместо затейливой кулинарии, обычной в богатых римских домах, на треугольном столе белели круги овечьего сыра, стоял мед в глиняной миске и сложенные горкой хлебцы.

Гелланик раздал чаши, поставил два сосуда с холодной и горячей водой и с помощью мальчика-виночерпия внес пол-урны⁴⁹ сетинского.

Прямо к обеду явился Аврелий, кудрявый юноша с кошачьими движениями и хитрой улыбкой.

– За опоздание ты наказан, – приветствовал его Кальв, вползая на пиршественное ложе. – Читай приличествующие случаю стихи, если твоя голова способна хоть что-нибудь вспомнить...

– Для тебя, любезный Кальв, я вспомню хоть всю «Илиаду».

Аврелий взял из высокой вазы ветку цветущей сливы, бросил лепестки в кратер⁵⁰ с вином и произнес по-гречески:

Пенься, огромный сосуд, многопенною влагою Вакха
Брызни! Пусть оросит трапезу нашу она! ⁵¹

Запивая сетинским кусок жареного сарга⁵², Катулл разглядывал своих новых друзей. Вокруг него хохотали, спорили, читали стихи и взыскательно выверяли размеренные созвучия. Он чувствовал, как душа наполняется беспечным весельем, и, блаженно полузакрыв глаза, слушал музыку дружеского застолья.

Между тем яркая синева сменилась на закате дня фиолетовыми оттенками сумерек. Потоки темного золота хлынули между колонн перистилья⁵³, словно сам Феб посылал последний привет своим избранникам – молодым поэтам... Может быть, так казалось захмелевшему Катуллу. И этот стол с беспорядком пиршества, и фигуры, вдруг застывшие с чашами в руках, привиделись ему прекрасным барельефом из вызолоченной бронзы.

– Ну, нет уж, – донесся до него сквозь дремоту голос неустомимого Вара, – хватит кипятить себе кровь! Мой Катон, вели принести тускульского для освежения брюха и мозгов.

Явилось тускульское, и Вар – опытный и выносливый кутила – вливал в себя звучную струю прямо из кувшина.

– Эван⁵⁴! – крикнул он и отбросил пустой кувшин.

Гай Меммий решил последовать примеру адвоката, но в самом начале состязания поперхнулся и залил вином свою роскошную тунику. Не смущаясь, он скинул ее на пол.

---

⁴⁷ Ионийцы – греческое племя, населявшее острова Эгейского моря и прибрежные города Малой Азии.

⁴⁸ Триклиний – столовая в римском доме.

⁴⁹ Урна – мера жидкости, больше 10 литров.

⁵⁰ *** Кратер – широкий сосуд, в который для удобства наливали вино из кувшина.

⁵¹ ** Посидипп, III в. до н. э.

⁵² * Сарг – вид средиземноморской рыбы.

⁵³ Перистиль – внутренний дворик, обычно украшался колоннадой и цветниками.

⁵⁴ Эван – вакхический возглас.

– Кифару! – потребовал Меммий, оставшись в набедренной повязке. – Кифару мне и элегический венок!

Две молоденькие рабыни подали Меммию кифару и надели на его рыжеватую голову венок из плюща⁵⁵. Опершись на локоть, Меммий зазвенел струнами и запел:

Градом, Юпитер, осыпь, окружи меня тьмою,
Молнией жги, надо мною все тучи свои отряхай!
Но, лишь погибнув, смирюсь я, а если ты жизнь мне
даруешь,
Вакху с Венерою я верно опять послужу!

Рукоплескания пирующих показались Катуллу искренними: в кружке поэтов не допускалось подобострастия. Катон прищелкнул пальцами и сказал:

– Прелестная мелодия и совсем не дурной перевод Асклепиада⁵⁶.

– Ни любовницы, ни попойки, ни магистратские обязанности не лишают Меммия милостей Муз, – поддержал Катона Лициний Кальв.

– О, Гай, сокровище мое, – лепетал быстро напившийся Фурий, – дай я тебя расцелую!

Но Меммий взглянул на него с таким высокомерием, что Фурий осекся и поспешил наполнить свою чашу. Только хозяин и Корнелий Непот разбавляли вино, остальные пили чистое, возбужденно блистая глазами и становясь все красноречивее.

– Когда кривляка Возузий читает под базиликами свои корявые откровения, – кричал Вар, – меня тошнит! А вокруг собираются надутые ценители подобных виршей, считающие, что докопаться до смысла Возузиева хлама дано только таким тонким умникам, как они. Остальные же, по их мнению, недоучки, бездарности, деревенские невежды...

Корнифиций обратился к Кальву растроганно – от души и немного спьяну:

– Милый Лициний, как и ты, я выступаю в собраниях. И довольно успешно, как говорят. Но тем более мне следует отметить выдающийся талант друга. Я поднимаю чашу за твой ораторский дар, разящий, как меч, и убеждающий, как философия Эпикура⁵⁷. И за твою благородную поэзию.

---

⁵⁵ * Элегический венок, в отличие от эпического лаврового сплетался из плюща.

⁵⁶ Асклепиад Самосский (III–II в. до н. э.) – выдающийся греческий поэт-лирик.

⁵⁷ Эпикур – великий греческий философ-материалист, противник религиозных догм и суеверий. В позднереспубликанском Риме было немало его последователей среди образованной молодежи.

VI

Попросив слова, крепко Цинна приосанился, будто взошел на трибуну Форума; он встряхивал спутанными белокурыми локонами и беспечно проливал из чаши вино.

– Друзья! – сказал Цинна. – Я благодарен судьбе. Клянусь Геркулесом! Вокруг меня люди, наделенные разнообразными и высокими достоинствами. Мои воспитатели, обучавшие изящным искусствам непоседливого сорванца, не могли и мечтать о таком обществе. Вот историк, вот ораторы и поэты... Поклонники Энодиамены⁵⁸ и божества с бассарейскими кудрями⁵⁹... И как вещал меонийский слепец Гомер:

Нет, не забыт ни один из даров от бессмертных, —
Их лишь любимцам дают, произвольно никто не получит.

Что там сбрехнул о нас напыщенный Цицерон? Друзья! Я верю, что ваши эпиллии⁶⁰ и элегии, ваши хроники и трактаты переживут столетия, вопреки злобе и клевете завистливых недоброжелателей. Я закончил.

– Короткая, но убедительная речь, мой мальчик, – важно сказал Кальв. – Только не перескакивай с латинского на греческий, говори на каком-нибудь одном языке.

Неожиданно Вар вскочил на стол и, покачиваясь, заревел:

– Речь Гая Цинны пылает в моей утробе! Сюда еще кувшин, чтобы залить это пламя!

Голос Вара казался непристойным и диким, но в коричневатых, узеньких глазках красноватым огоньком поблескивала уверенность.

– О, великие боги, ты пьян, Альфен! – хохотал Аллий. – Эй, свяжите этого калидонского вепря!

– Пусть кипит наша кровь! Пусть на разгульном пиру и на ложе страсти настигает нас вдохновение! – старался перекрычать Аллия Тицид. Пот катился по его лицу, промокла и затканная голубыми узорами туника. – Порыв юности и крылатое воображение – только они служат поэту! Ибо сказал блаженный Платон⁶¹: «Кто без священного безумия подходит к порогу творчества, надеясь, что благодаря сноровистости станет изрядным стихотворцем, тот еще далек от совершенства; творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых...»

Внесли светильники, тени заматались на потолке. В триклинии по-прежнему спорили и наполняли чаши. Катон шепнул несколько слов Гелланику. Прислонившись к стене, иониец заиграл на шипящей фригийской флейте⁶². Катон взял кифару и присоединил стройные аккорды к его пастушеским руладам.

Послышалось звяканье меди, вбежали две прежние рабыни с кимвалами⁶³ в руках.

Смущенно поглядывая друг на друга, девушки начали томный восточный танец. Они медленно кружились, поводили плечами и покачивали бедрами. Но вот флейта засвистела быстрее, и танцовщицы ускорили движения, проносясь то влево, то вправо перед глазами гостей. Разметались пряди распущенных волос, замелькали тонкие руки с гремящими кимвалами...

---

⁵⁸ Энодиамена – один из эпитетов Афродиты-Венеры.

⁵⁹ * «Божество с бассарейскими кудрями» – Аполлон.

⁶⁰ Эпиллий – маленькая поэма на мифологический сюжет.

⁶¹ Платон – выдающийся греческий философ, учитель Аристотеля.

⁶² *** Фригийская – из Фригии, страны в Малой Азии.

⁶³ ** Кимвалы – ударные музыкальные инструменты вроде погремушек.

Кривляясь, как пьяный фавн, Аврелий обнял одну из танцовщиц, к другой, сладко ухмыляясь, приближался Тицид. Девушки ловко скользнули у них из-под рук, швырнули на пол погремушки и выбежали из триклиния.

– Тицид, миленький! – истошно вопил Фурий. – А как же Метелла... то есть, тьфу... Перилла?

– Вот бесстыдники, не дали девчонкам закончить танец, – смеялся Аллий, подмигивая Катону.

– А ведь сегодня ночью в честь праздника Цереры⁶⁴ будет разыграна ателлана⁶⁵ при факелах! – Юный волокита Аврелий уже забыл о своей неудаче и готовился к дальнейшим забавам.

– Стоя в толпе черни, любоваться непристойными кривляниями шутов... – пожал плечами Катон.

Внезапно с Катоном горячо заспорил Катулл:

– Ты считаешь ателлану забавой черни? Но разве в ней не отразилась душа наших предков? Любезный Катон, в народном веселье ты почувствуешь животворную силу и хлебнешь едкого италийского уксуса.

– Похвально изучать александрийскую поэзию, прекрасное дело переводить Каллимаха. Но мы ведь пишем и думаем по-латински... – поддержал веронца Лициний Кальв.

– А моя плебейская душа жаждет уличного лицедейства, тем более после такой отменной попойки, – заявил Вар, оказавшийся в абсолютно здравом уме. – Оставим Акция⁶⁶ ученикам грамматических школ. Клянусь Меркурием, моим покровителем, я иду на ателлану!

– Где же она будет разыграна? – спросил Катулл. Он вспомнил, как все мальчишки в Вероне бегали по праздникам смотреть представление грубоватой и веселой комедии с забавным дураком Макком, болтуном Букконом, сплетником Доссеном и похотливым стариком Паппом.

– Идемте в курию Цереры. Там перед храмом поставили подмости. Начало сразу после первой стражи⁶⁷.

– Клянусь всеблагими богами, решение принято! – воскликнул Вар. – Эй, мальчик, еще по чаше тускульского на дорогу!

– Гелланик, – позвал Катон, – возьми Стефана да кулачного бойца Нумерия. Будете нас сопровождать.

Гости покидали триклиний. Поспешив вперед, Гелланик зажег факел – кусок просмоленного каната.

Громко разговаривая и смеясь, поэты вступили в ночную тьму, четко отделенную на границах домов от сияния зеленоватой майской луны.

---

⁶⁴ * Театральные представления устраивались во время многочисленных религиозных праздников.

⁶⁵ Ателлана – народная комедия.

⁶⁶ Акций (I в. до н. э.) – римский поэт, сочинявший трагедии с назидательным содержанием.

⁶⁷ За ночь в Риме трижды менялась городская стража.

VII

На одной из тесных улочек Квиринала, возле дома всадника Стаберия, сидели трое мужчин в заплатанных туниках. Черпачками, сделанными из хлебной корки, они ели густую ячменную похлебку – пульту. Стена сада нагрелась от весеннего солнца, припекало и ступеньку, на которой они расположились. Но трое жевали размеренно, посапывая и вытирая кулаками вспотевшие лбы, как едят крестьяне, относящиеся к пище почти молитвенно.

Покончив с похлебкой, они съели и хлебные черпачки. Достали глиняную бутылку с отбитым горлышком и поочередно наливали в оловянный стаканчик дешевой кислятины. Трапеза настроила их благодушно, и начался послеобеденный разговор.

– Хороша пульта у стряпухи Порции, – сказал коренастый пожилой бородач, приехавший в Рим с Бенакского озера⁶⁸, – а, Лувений?

– Что верно, то верно, – подтвердил апулиец⁶⁹ Лувений, горбоносый, лохматый, с давно не бритой черной щетиной, – тут ты, Тит, прав.

– Слава богам, сыты – едим дважды в день, – снова сказал Тит. – Пахарю нельзя привыкать обедаться и бездельничать.

Черномазый апулиец ухмыльнулся и подтолкнул парня лет двадцати:

– Ну а мы бы не отказались от господских сладостей. Свиное вымя в уксусе получше каши без масла, дурак поймет. Скоро, перед выборами, нобили⁷⁰ начнут ублажать народ... Столы поставят у Тибра – жратвы, вина, хоть тресни. Вот жизнь-то, а, Манний?

Парень махнул рукой и сделал недовольное лицо:

– Тебе хорошо, бросишь свой лоток с гнилыми тесемками и пойдешь куда тебе надо. А я-то в саду у сквалыги Стаберия за долги копаюсь: не захочет – не отпустит.

– А меня римские безобразия, пьянство и распутство в тоску вгоняют... – мрачно произнес Тит.

– Ох, Тит! Ох, смешной! – скалил зубы Лувений.

Тит посмотрел на него укоризненно: что за человечешка вертлявый такой! – и продолжал рассуждать:

– Сейчас бы на поле всходы осматривать да нашим крестьянским богиням Сейе и Сегетии моления совершать. Вечером на озере сеть забросить, а перед сном – посидеть под платаном, распить по секстарию⁷¹ винца с зятем и племянником.

Апулийцу Лувению до того стало весело, что он подпрыгнул на корточках и привалился к стене.

– Ох, Тит! До чего ты прост! Все бы в земле тебе ковыряться, старый крот! И зачем ты только сюда притащился?

– Моя семья арендует у знатного господина Катулла землю под пшеницу и овощи. Прошлый год задолжали малость, аренду полностью не выплатили... Вот мне и говорят: «Поезжай-ка ты в Рим, будешь молодому хозяину прислуживать, а долг твоей семьи за эту службу зачтется».

– Рабов у них нет, что ли?

– Как не быть. Да только в наших краях все по-другому. Здесь, в Лации-то, говорят, тысячи рабов у богатей, а свободнорожденные разорены. Бродят по дорогам да на рынках подаяния просят...

---

⁶⁸ Бенакское озеро (совр. оз. Гарда) находится на севере Италии, неподалеку от Вероны.

⁶⁹ Апулиец – житель Апулии, одной из южных областей Италии.

⁷⁰ Нобили – «благородные», господствующее сословие Рима.

⁷¹ Секстариум – больше пол-литра.

– Знаем, – нахмурился Лувений.

– Рабы моему хозяину не подошли, а я, видишь, понравился. Конечно, я в лавку хожу, к завтраку Гаю Валерию сыр покупаю, а потом весь день маюсь, будто пес шелудивый... – Тит заморгал глазами и засопел, но одумался, жаловаться больше не стал.

– Тебе ли сетовать, – вздохнул Манний. – Твой молодой хозяин бестолковый, как теленок, весельчак, кутила... Не придирается, голодом тебя не морит...

Лувений придвинулся с деловым видом:

– А деньжонки у него водятся? Род богатый?

– Род Катуллов у нас известный. Отец Гая Валерия в городском совете сидит. А сам-то Гай Валерий уходит с утра, как жених, выбритый, вымытый, надушенный, а приходит хмельной да измятый...

Лувений уставился своими бесстыжими глазами с любопытством:

– Пирует небось? Со знатными юношами дружит?

– У кого деньги есть, чего же не пировать, – заметил Манний.

– И какие деньги можно просадить в Риме – подумать страшно! – сокрушался Тит. – Мой хозяин на подарки потаскухам сколько истратил! Да книг натащил ворох... Бывает, усталый, бледный, и – нет бы выпасться – всю ночь сидит и читает. Или пишет...

– Чего ж он масло-то в светильнике переводит? – удивился Манний.

– Дня ему не хватает, что ли? Читать-писать... – Лувений корчил рожи – явно хотел поддеть и Тита, и его Гая Валерия.

– Пишет он, скажу-ка вам правду, стихи, – пояснил Тит. – До стихов и другой блажи мне дела нет, но что про Гая Валерия толкуют доброе, клянусь Юпитером, это верно.

– В Рим лезть со стихами – все равно как решетом дождь ловить. Стихоплетов развелось во сто раз больше, чем бродячих собак.

Помолчали, выпили еще по стаканчику. Манний мотал головой и вздыхал – томился по деревне, а может быть, по милой...

Лувений посмотрел на него и промолвил лукаво:

– Лучшее время в деревне осенью: урожай собран, вино забродило. Самую цветущую девку отдают самому ражему парню вроде Манния. Все пьянствуют и поют. Ну-ка, спой нам, Тит!

– Да мы не пойдем его галльские песни, – пренебрежительно сказал Манний.

– Разберемся. Мы теперь все римляне, – настаивал Лувений. Тит долго отказывался, но потом махнул рукой, крикнул смущенно и затянул сипловатым баском эпиталями⁷²:

О, Гимен – Гименей!
Услышь ты ваш дружный зов!
Приходи к нам, веселый бог,
Добрых свадеб строитель...

– Гляди, как распелся мой захмелевший Тит! – воскликнул Катулл, появляясь из-за угла. С ним был красивый юноша в короткой тунике, затканной золотыми блестками.

– Старик поет с чувством, не правда ли? – продолжал Катулл, – хотя и сильно шепелявит, что сразу выдает жителя Цизальпинской Галлии.

– Наверное, от него ты и набираешься тем для элегий... Или скорее для гимнов, – сказал юноша, поправляя нежной тонкой рукой черные волосы, падающие на плечи.

---

⁷² Эпиталями – свадебная песня.

– Что ж, Камерий, ты прав: кроме александрийских ямбов, я склонен находить своеобразную прелесть в песнях народа. Поэт, избегающий их, напрасно ограничивает свое воображение. Однако, Тит, бессовестный, я привел гостя, а ты и не думаешь подать нам по чаше вина.

Тит молча забрал миску, оловянный стаканчик, бутыль и пошел вокруг дома к невысокому приделу, облицованному бетоном. Это и была та пристройка, которую Катулл снимал за две тысячи сестерциев в год. В первой ее комнате размещался Тит со своим хозяйством, во второй и третьей стояли скамьи, стулья, спальное ложе, туалетный столик и шкаф со свитками книг. Тускло желтела бронзовая чеканная ваза из Коринфа, на шкафу расставлены терракотовые статуэтки, светильники, дорогая посуда красного стекла, мраморная статуя Дианы – Латонии, у спального ложа – письменный прибор и таблички – церы.

Катулл небрежно отбросил хлену. Покусывая нижнюю губу, он вспоминал объятия оливково-смуглой сицилийской гречаночки Ипсифиллы. Сегодня он заявился к ней с утра и до полудня слушал ее млеющий лепет.

Выходя от Ипсифиллы, Катулл встретил юного Камерия. Подозрительно, что этот красавчик оказался именно здесь. Неужели похотливая девчонка пригласила и его? Катулл со смехом погрозил Камерию, сделавшему невинный вид.

Камерий беспечен и остроумен; он состоит в актерской коллегии при храме Минервы. В Риме к актерам по традиции питают презрение, не то что в Греции, где они пользуются любовью сограждан. Правда, в недалеком прошлом и на римских подмостках выступали великие трагики и мимы, заслужившие всеобщее признание, – такие, как Эзоп и Росций.

– Итак, дорогой Гай, ты увлекаешься крестьянскими песенками... Но что же из этого последует достойного и благородного для поэзии? – разглагольствовал Камерий, развалившись на стуле.

– Скажите, какой чванливый нобиль! Не припомнить ли нам твою родословную?

– Ничего нет легче. Я не испытываю ложного смущения, называя своих предков. Мой отец отпущенник, сын римского всадника Камерия Дивеса и его рабыни-сириянки, мать моя – дочь гречанки из Тарента и торговца шерстью, наполовину лукана, наполовину ооска.

– Клянусь Аполлоном, жаль, что в тебе нет еще умбрийской, этрусской, иберийской, иудейской, галльской и разной другой крови, тогда бы уж истинно можно было сказать: «Вот малый, соединивший в себе целое человечество!»

– Самое главное, что моя смешанная и перемешанная кровь не кипит от гордости и не препятствует мне исполнять женские роли.

Остроумие Камерия располагало Катулла к взаимному веселью. Он напустился на юношу с шутливой бранью:

– О, ублюдок неизвестной породы! О, бесстыдник, носящий коротенькую тунику, чтобы показать свои стройные ноги! О, женоподобный Нарцисс, отравивший локоны и покрасивший ногти, словно кокетливая девка! За тобой ведь бегают толпою все развратные старикашки в городе!

– Это восхищенные поклонники моего актерского дарования. Однако хватит обо мне. Прочти-ка лучше свои последние стихи.

Катулл разыскал среди разбросанных черновиков нужную табличку.

– Помнишь ли ты судебный процесс, на котором некто Коминий выступал с гнусным обвинением против смелого трибуна, пожелавшего облегчить судьбу запутавшихся в долгах граждан?... Забыл, наверное?

– Отчего же, я помню. Все возмущались и проклинали Коминия, ставленника алчных ростовщиков.

– Так вот, недавно вблизи Форума я обратил внимание на отталкивающе желчного старика с крючковатым носом орла-стервятника. Зная, что особо отъявленных негодяев боги, как правило, наделяют соответствующей внешностью, я из любопытства спросил: «Кто он?» –

«Коминий, – ответили мне. – Да, да, тот самый. По-прежнему является на собрания и отравляет воздух смрадным дыханием клеветника».

Держа перед собой табличку, Камерий продекламировал мальчишеским голосом:

В час, когда воля народа свершится, и дряхлый Коминий
Подлую кончит свою, мерзостей полную жизнь,
Вырвут язык его гнусный, враждебный свободе и правде,
Жадному коршуну в корм кинут презренный язык.
Клювом прожорливым ворон в глаза ненасытные клюнет,
Сердце собаки сожрут, волки сглодают нутро.

Какая беспощадная сила! Но берегись, такая отповедь может не понравиться кое-кому из влиятельных нобилей, друзей Коминия...

– Призвание поэта – не просто способность сочинять стихи, – сказал Катулл. – Это еще божественная откровенность, это смелость и честность, я думаю.

VIII

Лежа и уперев в колени вощеную табличку, Катулл переводил Каллимаха. Вот перед ним пролог и элегии великого александрийца – в них мифология оборачивается к читателю не героическим звоном мечей, не распрями бессмертных, а пестрыми картинами человеческой жизни.

Катулл выбрал трогательную легенду о юной царице Беренике.

Сразу после свадьбы муж ее отправился на войну. В день прощания Береника отрезала косу и возложила на алтарь как залог благополучного возвращения любимого. Боги приняли жертву: коса Береники вознеслась на небо и стала новым созвездием.

Легенда воплощена в живых и прекрасных поэтических образах. Нелегко создать перевод, в котором не потускнели бы стройные созвучия и уникальные познания Каллимаха. Может быть, эта маленькая поэма принесет скромному веронцу известность в городе сотен поэтов, в городе ожесточенного литературного соперничества...

Катулл грыз костяной стиль, быстро царапал ряды мелких букв, заглаживал их и снова царапал.

Нет, он не будет подражать изысканной иронии александрийца. Он напишет страстные и правдивые стихи о слезах разлуки и радости соединения влюбленных. И заговорит сама «коса Береники», ставшая по воле богов созвездием:

Тот, кто все рассмотрел огни необъятного мира,
Кто восхождение звезд и нисхождение постиг,
Понял, как пламенный блеск тускнеет бегущего солнца,
Как в им назначенный срок звезды уходят с небес,

Тот же мудрец и меня увидал, косу Береники,
Между небесных огней яркий пролившую свет...

Начало, пожалуй, удалось. Но что-то мешало ему продолжить работу. Он не предполагал, конечно, что закончит перевод Каллимаха только через пять лет.

Его новые стихи ждут друзья и недруги. Друзья – чтобы расхвалить их без меры, недруги – чтобы наброситься на них с уличной бранью. Эпиграмма на гнусного Коминия возбудила противоречивый шум. Цинна назвал Катулла «бичом возмездия». На собрании у Катона его встретили восхищенными криками. Многие римляне переписывали эпиграмму, она ходила с рук на руки.

Были и еще недвусмысленные и насмешливые безделки. Одна из них, весьма нескромная, о его встречах с резвушкой Ипсифиллой, вызвала осуждение Фурия. Он заявил, что такие стихи пригодны лишь для пьяных солдат. Что ж, следует доказать всем (не только Фурию, разумеется) свою приверженность изящной поэзии, а себе – способность к тщательному и настойчивому труду. Постоянные застолья, зрелища, похождения утомляли и раздражали его. Наверное, он не создан для такой блестящей и бурной жизни, какую ведут молодые римские аристократы, ненасытные и скучающие. А он, бедняга Катулл, воистину деревенщина, привыкший к своей тихой Вероне и плеску озера у порога отцовской виллы. Может быть, ему не следовало покидать родной чертог, терять покровительство ларов⁷³? И он услышал бы свадебные песни и нежный зов прелестной, любящей девы... Но честолюбивый веронский муниципал

---

⁷³ Лары – божества – покровители семьи.

распорядился иначе: одного сына послал служить в далекую Вифинию⁷⁴, завоеванную недавно Помпеем, другого – в столицу, надеясь на его выдвижение среди смут, заговоров и интриг.

Гай Катулл не оправдывал надежд отца, он проявил себя только поэтом. Свои антипатии он выражает стихами и не думает выступать с речами на Форуме.

Ему двадцать семь лет, юность ушла, но что он узнал о вечном, могучем и возвышенном влечении человеческих душ? Он знает лишь доступное и всеобщее: сговорчивые деревенские девчонки, покорные рабыни, дебелие похотливые провинциальные матроны а здесь – всякие остроумные подружки, развязные актрисы и взбалмошные поэтессы.

Катулл поднялся и в тоске бродил по комнате. Позвать Тита? Выпить вина? Нет, хватит бесконечных возлияний. Что же он ищет? В жизни, в поэзии, в любви?

Он подошел к шкафу и, держа светильник, задумчиво разглядывал книги. Часть он привез из дома, но большинство купил в Риме, рыская по лавкам и истратив уйму денег.

Вот великая Сафо⁷⁵! К ней стремится его сердце через бездну невозвратимого времени, преклоняясь перед ее волшебным, божественным даром. И эта женщина жила пятьсот лет назад! Всемогуший Юпитер, златокудрый кифаред Аполлон и ты, Киприда пенорожденная, как вы могли допустить вечную разлуку между ними – юношей из Цизальпинской Галлии и гречанкой с острова Лесбос?..

Она возглавляла девический союз в городе Митилены. Собираясь, жрицы Муз слагали торжественные гимны, безумствовали, как менады, в экстазе священных плясок, но, преисполненные вожделениями юности, опасались грубого прикосновения мужской руки. Впрочем, легенду о лесбиянках придумали позднее, в эпоху победоносно развившихся пороков...

Сафо «фиалкокудрая, сладостно смеющаяся» – так называли ее поэты. В любви она стала соперницей своей дочери. Не смогла устоять перед призывом судьбы и холодом спасительных размышлений, сдержать бурю страсти.

«Словно ветер, с гор на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...» – стонала Сафо.

Ее славили в песнях. Ее изображения чеканили на монетах и высекали из мрамора. Ее называли десятой музой Эллады. Но смазливый Фаон был честен и глуповат. Он предпочел свежесть девчонки и пугался страдания во взгляде гениальной матери. Сафо бросилась со скалы в море. И вот через пятьсот лет скорбит о ней, как о потерянной навсегда возлюбленной, только он – мятущийся, одинокий Катулл.

За окном неслышно кралась душная ночь, обволакивая уснувший сад тяжелой истомой.

Катулл вышел в переднюю комнату, напился из кувшина теплой воды. Тит, задрав седоватую бороду, негромко и уютно похрапывал. Катулл посмотрел на него, в чем-то ему позавидовал и вернулся на свое ложе. Взял табличку, будто предупреждая себя, написал:

От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты необуздан слишком.
От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

Протянул руку, хотел привычно выправить фитиль, но светильник горел ровно, желтым оцепеневшим язычком. Катулл снова задумался о Сафо. В старину сохранялось множество портретов лесбосской поэтессы. Теперь остались лишь описания. Она была маленького роста,

---

⁷⁴ Вифиния – страна в Малой Азии.

⁷⁵ Сафо (Сапфо), V в. до н. э. – величайшая лирическая поэтесса Эллады.

черноволосая, глаза как маслины, очень смуглая, с печальным и нежным ртом. Такие женщины всегда нравились ему больше других. Они похожи на южный плод, опаленный зноем.

Разворачивая свиток с гимнами и эпиграммками Сафо, Катулл словно искал подтверждения своим странным мыслям. Остановился на переложении древнего свадебного песнопения. Он знал его давно, но прежде воспринимал спокойно. Теперь все переменилось в нем: словами Сафо он мог бы признаться ей самой в своей безнадежной страсти, если бы перед ним вдруг возник ее бледный призрак.

Катулл начал перевод трепетных и мучительных стихов гречанки:

Кажется мне богоравным или —
Коль сказать не грех — всех богов счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать Сладостный твой смех...

Тит с утра пораньше сходил на рынок, купил сыра и овощей. Когда он вернулся, Катулл еще спал, устало и безмятежно. Тит заглянул в комнату, увидел Гая Валерия среди беспорядка книг и исписанных табличек, покачал головой и пробормотал:

— Чего всю ночь себя изводит? Ну как есть одержимый.

Потоптался у порога и позвал спящего тихонько — то ли жалел его, то ли уважал все-таки:

— Гай Валерий... Ты приказывал разбудить тебя пораньше... Вставай же!

Катулл открыл припухшие светлые глаза и лукаво пропел:

— А... почтеннейший Тит... Ну, как наши дела, земляк?

Старик сразу разомлел, растрогался. А что, ведь они, можно сказать, из одной деревни...

— Доброе утро. Уж рынки торгуют и улицы полны народа. Наш толстопузый Гней Стабериий пошел навещать приятелей и лебезить перед знатными. А его бесстыжие рабыни глазуют на прохожих и задирают подолы выше колен. Выпей-ка молочка натошак. И мутить не будет, и колики в боку пропадут. Так-то здоровее, не то, как римские бездельники: чуть свет вино хлыщут...

— Ох, земляк, — засмеялся Катулл, — так ты прекрасно все описал — дальше некуда. Прямо, Луцилий⁷⁶ ты, Тит! Сарказм у тебя природный!

Тит опять помрачнел: какой там еще Луцилий? Наверное, какого-нибудь стихоплета вспомнил, не иначе.

— Это убрать? — спросил Тит, показывая на беспорядок.

— Не надо, оставь. Приготовь мне голубую тунику, помнишь? И выглади хлену...

— О, боги, опять! — не выдержал Тит, но осекся и сказал с сожалением: — Сейчас приготовлю, не беспокойся.

Катулл тщательно пригладил волосы, опрыскал себя духами. Тит держал перед ним зеркало и вздыхал.

Вошел Цинна, надушенный и разодетый.

— Гай, ты готов? Ужасная жара... Наши разопревшие поэты согласились с предложением Фурия провести день у реки.

— На той стороне?

— Еще бы! Никого не тянет окунуться в стоки ста тысяч нужников. Перед Яникулом⁷⁷ вода чище, там римские богачи и понастроили купален для своих жен...

Беспечно болтая, они вышли на улицу. Пылающее солнце висело над Римом. До полудня было далеко, но город уже напоминал раскаленную жаровню.

⁷⁶ Луцилий (II в. до н. э.) — римский поэт-сатирик.

⁷⁷ Яникул — холм на противоположном берегу Тибра.

– В наше время женщины не ищут особых достоинств в мужчинах, кроме одного, разумеется, – рассуждал безусый философ Цинна, набрасывая на голову край белой тоги.

– Слушай-ка, дружок, – воскликнул Катулл, шутливо всплеснув руками, – уж не собираешься ли ты написать очередной трактат о падении нравственности?

– Ну, столь пошлая тема меня пока не прельщает. Впрочем, я сочиняю нечто, имеющее косвенную связь с греховностью окружающей жизни...

– Это поэма? Да говори же, Цинна!

– Содержание таково. Кипрская царица Смирна горит преступной любовью к своему отцу. Она добивается взаимности и гибнет, настигнутая гневом богов. Я задумал описать эту историю, не отвлекаясь на подробности внешнего отображения событий, а погрузившись в глубины запретных чувств. Не знаю, удастся ли мне, но в моей поэме все должно быть в переплетениях сложных и изящных иносказаний, как у многомудрого Эвфориона⁷⁸...

– Музы да пошлют тебе вдохновения, – сказал Катулл и, улыбнувшись, добавил: – Постарайся все-таки выходить иногда из дебрей александрийской учености на доступные всем поляны здравого смысла.

Цинна промолчал. Он побаивался Катулла и предпочел не распространяться больше о своей поэме.

Рим гремел от буйства крикливых и праздных толп. Обливаясь потом на солнцепеке, друзья с досадой ждали, когда пройдет медлительная храмовая процессия, направлявшаяся на Капитолий, затем проталкивались через галдящее скопище пьяниц у плебейской попины⁷⁹, дважды попадали в опасную сумятицу, затеянную клиентами соперничающих магнатов, и едва избежали от наглого преследования уличных гадалыщиков...

Вокруг происходило нечто невероятное. Граждане заполнили улицы, как в дни радостных Сатурналий⁸⁰. Они двигались взад и вперед, окружали то здесь, то там какого-нибудь горластого оратора, спорили и размахивали руками. Знатных сопровождало иной раз до полусотни телохранителей, грубо расталкивавших толпу. Затевались ссоры и драки – походя – как обязательный ритуал. И все эти озабоченные, взволнованные римляне, подобно неудержимому морскому приливу, спешили к Форуму.

– Нет, больше вытерпеть невозможно... Я задыхаюсь, – простонал Катулл в полном отчаянии. – Надо было остаться дома...

– Ничего, как-нибудь выберемся из этого сборища сумасшедших, – сказал Цинна, отдуваясь и вытирая с лица капли пота.

Они обошли Форум по крутым извилистым переулкам, спустились к Большому цирку и, оставив слева от себя храм Фортуны, по деревянному Сублицийскому мосту перешли Тибр.

Веселое общество, укрывшееся от жары в тени дубов и акаций, встретило друзей приветственными возгласами и остротами. Повсюду на траве и на прибрежном песке были разостланы цветные ткани, стояли корзины с фруктами. Рабы помогали гостям снять одежду и подавали им чашу с охлажденным вином.

Смуглый Тицид играл в двенадцатилинейные шашки с Валерием Катонем, а вертлявый Аврелий мешал им, приставая с советами и объявляя о результатах каждого хода. Женственный юноша Асиний Талл кутал в полосатый сирийский плащ изнеженное, дряблое тело. Он сердито крикнул на Аврелия хриплым от пьянства голосом и вызвался судить игру «с беспристрастием Миноса»⁸¹.

⁷⁸ Эвфорион (III в. до н. э.) – эллинистический поэт, последователь Каллимаха Александрийского.

⁷⁹ Попина – кабачок, винный погреб.

⁸⁰ Сатурналии – любимейший праздник римлян, справлялся в декабре, сопровождался всенародными пиршествами, зрелищами, раздачей подарков.

⁸¹ Минос – легендарный царь острова Крита, после смерти стал судьей человеческих поступков в подземном царстве Плутона.

– Убирайся, – сказал ему Тицид. – Твой двоюродный брат, умница Поллион⁸², достоин был бы стать нашим судьей, но ты, негодник, только позоришь честнейшего Поллиона... Я боюсь, что ты утащишь у меня из-под рук фигурку.

– Проглоти, Талл, эту прелестную элегию Тицида и будь здоров! – Аврелий со смехом запрокинул кудрявую мальчишескую голову.

– Я не потерплю оскорблений, – обиделся Асиний Талл, но Аврелий обнял его и хитро замурлыкал:

– Не обижайся, к чему отрицать общеизвестную истину? Ничего не поделаешь, если ты нечист на руку. Давай-ка лучше сыграем с тобой на другой доске.

Шашками увлекались представители высших сословий, тогда как среди простонародья самой распространенной игрой были кости. В Риме создавались многочисленные шашечные кружки с постоянно приписанными игроками, проводились встречи и олимпиады.

Здесь, у Яникульского холма, каждый делал то, что приходило ему в голову: пел, играл в шашки, плескался в реке и всячески веселился, проявляя большее или меньшее остроумие. У воды с истошными воплями приплясывали Корнифиций, Фурий Бибакул, тучный и красноватый, как ошпаренный поросенок, Аллий и еще несколько знакомых Катулле молодых людей. Они подбадривали мускулистого юношу, переплывавшего Тибр с мяукающей кошкой в одной руке. Оказавшись у берега, юноша швырнул кошку на песок и победно воскликнул:

– Йо! Ну, кто плавает лучше – я или Корнифиций?

– Признаем, что ты, – ответил Аллий. – Если же говорить о вас, расслабленные лентяи, то вам-то до Корнифиция далеко.

– Надо учитывать, что Корнифиций вырос на Бенакском озере, и ему особенно покровительствует Нептун, – возразил Порций, высокий костлявый человек лет тридцати с надменно выпяченной нижней губой.

– Эй, – крикнул Аллий рабам, – чашу холодного велитернского победителю Калькону! И всем нам!

– Явился Цинна и с ним прославившийся похабными стишками веронец, – заявил Фурий.

– В воду их немедленно, пусть покажут, на что они способны, кроме распутства и стихоплетства!

Катулла и Цинну стали толкать в воду, началась дружеская борьба с криком и хохотом. Веселье длилось часа три, было рассказано множество непристойных историй, прочитано немало эпиграмм и безделок, и все это происходило в то время, когда граждане Рима стремились на Форум, где происходили бурные и скандальные выборы магистратов.

К концу дня из-за деревьев показалась рослая фигура Вара, а рядом – будто для контраста – Лициния Кальва. Все с удивлением разглядывали усталые, нахмуренные лица ораторов.

– Веселитесь, милейшие? – язвительно спросил Вар. – А на Форуме объявлен подсчет голосов. Или вас это не интересует?

– Что же объявлено? – подступил Аллий, сделав вид, что он напряженно думает о перипетиях политики.

– Ничего утешительного. Сенаторы и народ утвердили кандидатов на консульские должности. И когда Лукулл⁸³ предложил отклонить кандидатуру Цезаря, против него решительно выступили Красс и Помпей⁸⁴.

– Исконные соперники! – воскликнул Тицид.

– Скорее враги, – пожал плечами Катон.

---

⁸² Гай Асиний Поллион – поэт, оратор, государственный деятель, основатель первой в Риме публичной библиотеки.

⁸³ Лукулл – полководец, сенатор, политический деятель, прославился богатством и роскошным образом жизни.

⁸⁴ Гней Помпей – выдающийся полководец Рима, пользовался огромной популярностью и влиянием в республике.

– Каким образом и кто сумел их объединить? Неужели это дело рук самого Цезаря? – удивился Аллий. – Должен признаться, у него поразительные способности, я потрясен...

– Также были потрясены и сенаторы. Они утвердили Цезаря, – сказал Кальв, – и в скором времени это дорого им обойдется.

IX

Катулл злился сам на себя. Каким ужасным характером наделили его боги! В веселом обществе он, верно, невыносим со своей глупой деревенской суровостью. Если же он сам пытается шутить, то совсем некстати, и окружающие глядят на него с насмешливым сожалением. От смущения и досады его остроты становятся злыми, и, конечно, он наживает себе врагов.

Как все непоследовательные и горячие люди, Катулл проклинал теперь свою строптивость. Ему виделись изумрудные глаза, карминно покрашенный рот, диадема на черных кудрях и обольстительная белизна выхоленного тела. В тот вечер ему доступна была красота истинно патрицианская, отграненная сознанием своей исключительности, величием предков и ласками знаменитостей.

«Что тебе мешало? – спрашивал себя Катулл. – Ведь капризная любовь Постумии даст тебе не одно наслаждение, но и проторит путь в конклавы⁸⁵ знатных матрон и триклинии магистратов. Твой талант, в котором (будем откровенны) ты сам еще не слишком уверен, благожелательно поддержат. Ты прославишься и перестанешь терзаться постоянным сомнением. Что тебе стоило поцеловать эти надменные, выжидающие губы? Ты...» Боги, он обращается к своему двойнику? Идиотская привычка одинокого неудачника разговаривать с самим собой...

Катулл вышел в сад. Небо выцвело, желтеющая листва на деревьях поникла. Септембрий не принес прохлады; слепящая, изнуряющая жара навалилась на холмы Лация и бесконечные нагромождения тесаных камней, – таким казался ему душный Рим. Дышалось с трудом, в саду почти не было тени. Далеко от извилистых улиц Квиринала мелел мутный Тибр.

При мысли о Постумии Катулл чувствовал, как сердце его начинает учащенно биться; будто наяву он слышал ее небрежный, порочный смех. Что же произошло? Венера повязала жене сенатора Сульпиция свой пестрый, волшебный пояс, а мальчишка Эрот пробил ему сердце? Или виновата эта жара? Старухи говорят, что знойный ветер ливийской пустыни приносит жажду убийства и любовную горячку. Катулл старался разобраться в своих чувствах к Постумии и отделить поздние домыслы от того, что действительно произошло на пиру у Аллия.

Пока гости не слишком опьянели, в триклинии любезничали и развлекались поэзией. Недурные элегии прочитали Корнифиций и Тицид. Катулл втайне завидовал, глядя, как их осыпали лепестками роз. Потом смазливый Фурий декламировал свои приглаженные ямбы, они припахивали изысканным унынием Эвфориона. И нечто безобразно спотыкающееся проскулил длинноносый ублюдок Сестий, постоянно твердивший о своей дружбе с Цицероном.

Сменилось множество затейливых блюд, рабы устали снимать печати с огромных бутылей. Постепенно оргия набирала буйную силу, как разлившийся весенний поток. Цинна и Калькой едва не сцепились из-за юной Цецилии; Фурий и Аврелий так упорно ухаживали за немолодой и некрасивой Мунацией, что она решила отбросить условности и улеглась вместе с ними; Гай Меммий без стеснения мял пышные прелести сговорчивой вдовушки Фульвии, а остальные отпускали солдатские остроты и, облизываясь, поглядывали на красавицу Постумию.

– Предлагаю забавное развлечение, – в конце концов сказала Постумия, криво усмехаясь. – Аллий, прикажи налить в бассейн теплой воды...

– Вы слышали, что сказала госпожа? – закричал Аллий рабам. – Не заставляйте меня повторять, негодяи!

Раб со всех ног бросился выполнять приказание.

– А теперь, – продолжала Постумия, – тащите девчонок в воду. Раздевайтесь! Все вместе будем купаться!

⁸⁵ Конклав – приемная комната римской матроны.

Внезапно Постумия оказалась на коленях у Катулла. Это длилось всего несколько мгновений. Катулл неподвижно глядел на ее бледное лицо, раздувшиеся ноздри и мелкие капельки пота, выступившие над верхней губой.

– Разве я похож на воробья, что прыгает на воробьику перед всем городом? Если прелестная Постумия пожелает меня увидеть, стоит передать через любезного Аллия... – Сторонясь пьяного буйства, Катулл вышел из триклиния. Нетерпеливо ждал в прихожей, пока раб принес его хлену. Появились Катон и Кальв.

– А вы не хотите ли испытать это сомнительное удовольствие? – сказал Катулл, показывая рукой в сторону бальнеума, откуда доносились крики и женский визг.

– Я брезглив, – заявил Катон. – Толпой лезть в бассейн – это уж слишком...

– А у меня дома жена, – засмеялся Кальв. – Я должен сохранить силы для моей Квинтилии.

Оба шутили, но Катулл не мог не оценить их сдержанности.

И вот спустя неделю он малодушно сожалеет о своем детском негодовании.

Время тянулось мучительно. Встречаясь с Аллием, Катулл не раз спрашивал о Постумии, но толстяк шурил хитрые глаза и с лицемерным вздохом пожимал плечами. Нет, прекрасная матрона ничего не передавала для него. Кажется, она уехала в Байи⁸⁶.

За истекший месяц было несколько собраний у Катона. Друзья удивлялись мрачному виду Катулла и приставали к нему с расспросами.

Кальв сердито выговаривал ему:

– Если бы ты ежедневно торчал на Форуме, препираясь с интриганами и сутягами, корпел бы ночами над составлением речей и пытался, подобно мне, преуспеть на политическом поприще, твое молчание можно было бы объяснить. Но ты совершенно отбил от рук Аполлона. Сам же писал: «От безделья ты, мой Катулл, страдаешь...» Что же ты повернулся к Музам задом, лентяй? Где перевод Каллимаховой «Береники», который ты так успешно начал?

Спокойный, доброжелательный Непот трудился над первым томом всемирной истории. После Кальва и Корнифиция он стал ближайшим задушевым другом Катулла. Они беседовали о судьбах мудрецов и поэтов древности, о греческой литературе, об учениях перипатетиков, стоиков, орфиков и эпикурейцев⁸⁷. Познания Непота были разносторонни и глубоки, его библиотека – великолепна.

Катулл не выносил отвлеченных умствований в ту пору, когда его охватывало любовное нетерпение. Впрочем, умница Непот мог увлечь кого угодно.

– Эпикур говорит о внутренних свойствах Земли и Космоса и о существующей в сознании людей категории бессмертных богов. Это соблазнительно: боги находятся как бы в отдалении и ничем не связаны с радостями и бедствиями Земли. Признаем, однако, что убедительно бессмертие одного материального вещества, состоящего из атомов, и как следствие бесконечного развития вещества бессмертна человеческая мысль, неустанно ищущая познания.

– Но так же вечны зло и невежество...

– Они всегда пребудут в борьбе с добром, и это единственное условие. Движение и борьба – свойства жизни, бездействие – ее гибель. Вот в чем убеждены мудрецы, а не в предопределении или воле богов. И хотя на опыте поколений зло кажется всесильным, но мысль взлетает над ним, как... крылатая Ника⁸⁸, потому что ей суждено вновь и вновь возродиться. Мысль – единственное и величайшее благо, приобретенное человечеством. Но еще более удивительное, таинственное, солнцеподобное явление – мысль творческая...

---

⁸⁶ Байи – аристократический курорт близ Неаполя.

⁸⁷ Многие образованные римляне скептически относились к официальной религии и увлекались греческой философией.

⁸⁸ Ника (Никэ) – греческая богиня победы, то же, что у римлян Виктория.

Катулл покусывал нижнюю губу, хмурился и погружался во взбаламученную пучину своих сомнений и предрассудков.

– Что же ты вменяешь в обязанность человеку, наделенному именно такими свойствами мысли?

– Каждое творение поэзии и искусства, философский трактат или хроника историческая, несмотря на их внешнюю отвлеченность от повседневной жизни, прежде всего – отношение человека к окружающему миру и, с другой стороны, отражение этого мира в его сознании. Ни проповеди зловещих пророков, ни лживые уверения политиков не нужны обществу благоразумных людей...

– Но просвещение и благородная сдержанность – удел ничтожного меньшинства, – перебил его Катулл – нет, не злило, – а несколько угнетало положение школьника, слушающего пространные поучения. И все же он испытывал чувства почтительного юноши к мудрому старцу, хотя Непот был с ним почти одного возраста.

– Нам остается надеяться, что когда-нибудь истинное просвещение (подчеркнул «истинное») будет достоянием всего счастливого человечества, – с улыбкой сказал историк. Катулл невольно восхищался диалектикой⁸⁹ друга и, глядя на него, сокрушенно вздыхал о своей праздности и о малодушной суетности собственных помыслов. Он брал у Непота пожелтевшие свитки, в которых были приведены астрономические познания египетских и халдейских магов или описания отдаленной Ойкумены⁹⁰ – вплоть до знойных песков Ливии и ледяных сарматских пустынь. Эти книги внушали ему робость и умиротворение одновременно.

Непот с лукавой улыбкой сообщал, что на днях ему удалось приобрести редчайшую книгу со стихами Ксенофана и Феогнида... Катулл тотчас забывал о восточных таинствах и просил дать ему греческих поэтов. Со жгучим интересом разворачивал он папирус, выслушивая на ходу рассуждения Непота о том, что действительное счастье может создать лишь гармоническое общество, состоящее из добропорядочных, благонравных граждан. В глубине души Катулл посмеивался над словоохотливым историком. Ему представлялось иной раз, что Непот готовится завещать потомкам вместе с историческими трудами и свою безупречную жизнь, также достойную быть описанной в поучительных воспоминаниях. Непот вдруг спросил Катулла:

– Гай, а где твои новые стихи?

Веронец от неожиданности смутился.

– Мой Корнелий, ты описываешь события давние и важные, – словно оправдываясь, сказал он. – А я сочиняю эпиграммы и безделки по всякому ничтожному поводу.

– Но мои длинные разговоры совсем не означают абсолютного предпочтения исторических анналов, ты ведь знаешь, как я люблю лирическую поэзию, – возразил Непот. – Упорный труд и чистое сердце помогут тебе приблизиться к совершенству. И, может быть, среди расчетливой злобы и тупого варварства потомок сохранит твои небрежные списки...

Катулл выходил из таблица Непота с желанием безотлагательно приступить к вдохновенному творчеству. Он не шел, а почти бежал по улицам. Но постепенно шаги его замедлялись. Он останавливался, тяжело вздыхал и отправлялся к Аллию узнать: нет ли известий о Постумии.

Вместо ответа Аллий предлагал ему развлечься с миловидной рабыней. Заложив руки за спину, Катулл расхаживал с удрученным видом. Толстяк сочувственно смотрел на него, потом осторожно подмигивал и начинал хохотать. Веронец свирепо взлохмачивал свои каштановые волосы и... не удержавшись, тоже смеялся.

---

⁸⁹ Диалектика – по античным воззрениям, способность стройно и логично рассуждать.

⁹⁰ Ойкумена – весь населенный мир, омываемый безбрежным океаном (в представлении древних).

Аллий хлопал в ладоши. Входил раб с подносом фруктов, жареными цыплятами и бутылкой выдержанного сетинского. О воде не было и речи. Катулл сбрасывал тогу, Аллий добродушно обнимал его, и они дружески напивались.

– Посвяти Постумии пару четверостиший, – советовал ему Аллий. – Уверен, что ты напишешь прелестнейшую вещицу, о ней заговорят. Римской матроне ничего так не льстит, как стать причиной поэтического вдохновения. А публика останется в неведении: мало ли о какой Постумии идет речь?

И Катулл написал. Немедленно. Тем же вечером. Он словно услышал вновь ее глубокий, медовый голос, предлагавший гостям пить неразбавленное вино, увидел ее зеленые, по-кошачьи мерцающие глаза и обнаженные руки, украшенные на запястьях золотыми браслетами.

Итак, решено: стихи посвящаются опьяняющей красавице и хиосскому вину... Впрочем, он предпочитает итальянские вина, они горше и крепче греческой приторной водицы. Пусть это будет кампанское вино из Фалерна... Когда он сочинял, ему приятно было вспоминать огненную пирушку, приятней, чем находиться там – в неистовстве оргии.

Валерий Катон поместил семь вакхических строк Катулла в общий сборник поэтов «александрийского» содружества. Сборник за два дня разошелся по Риму. Стихами Катулла восхищались больше, чем элегиями Тицида и Корнифиция, эпиграммами Кальва, разнообразными ямбами Меммия, Фурия и Катона.

Горькой влагою старого Фалерна
До краев мне наполни чашу, мальчик!
Так велела Постумия – она же
Пьяных ягод пьянее виноградных.
Ты же прочь уходи, струя речная!
Ты – погибель вина! Довольствуй трезвых!
Сок несмешанный Вакха нам приятен!

Цицерон говорил друзьям, прогуливаясь под колоннадой Эмилия:

– Этот Катулл создал нечто, напоминающее Анакреона⁹¹. Я отнюдь не поклонник неотериков, – я сам назвал так этих вертопрахов. Но что касается Катулла, то перед нами действительно талант, *ingenium*. Его стихи произносят в сенате, у книжных лавок и в частных домах. Если бы Катулл отказался от своей безнравственной жизни и расстался с крикливой гурьбой развратников и буянов, то при содействии мудрых наставников из него вышел бы толк.

Катулла передали сказанное о нем высочайшим и бесспорным авторитетом. Ожидали ответа остроумного и непочтительного. Но Катулл только отмахнулся: он продолжал вздыхать о Постумии.

---

⁹¹ Анакреон (VI в. до н. э.) – знаменитый греческий поэт, воспевавший пиршества и чувственную любовь.

Х

Он увидел ее неподалеку от Субурры, около торговых рядов. Катулл пришел туда с Кальвом, который хотел купить духов для своей Квинтилии.

Мраморное лицо Постумии порозовело от осеннего ветра. Ее кудрявая голова, повязанная златотканым шарфом, сразу бросилась в глаза Катуллу. Он схватил Кальва за руку:

– Лициний, ты видишь красавицу в белой stole⁹²? Узнаешь? Значит, она в Риме... Боги, что делать!

– На мой взгляд, у тебя нет повода для отчаянья, – пожал плечами Кальв. – Разве ты не понимаешь, что женщина с трудом прощает пренебрежение к себе, а тем более такая, как эта великолепная львица?

Постумию сопровождали два юных щеголя с приподнятыми от спеси плечами и выпяченной грудью. Надменно опираясь на свои тросточки, они ревниво мерили друг друга смелыми черными глазами. Позади рабыня несла роскошную мантию госпожи, негр держал над ее головой узорчатый зонт. Толстый евнух-казначей семенил, придерживая кошель у пояса, еще один раб тащил вместительную суму с покупками.

– Взгляни-ка, сколько драгоценных вещей накупила жена Сульпиция, – не без зависти сказал Кальв. – Сразу выбросила доход виллы где-нибудь в Апулии... Но у ее муженька хватит вилл и латифундий⁹³ – и в Италии, и в провинциях. А может быть, для нее раскошелились эти знатные кобели?

Катулл остановился перед матроной и, приложив руку к губам, воскликнул:

– Мои глаза счастливы снова любоваться твоей божественной красотой, прекрасная Постумия!

– О, милейший Катулл! Любезнейший Кальв! Право, мы давно не виделись.

– Тебя так долго не было в городе... – произнес Катулл многозначительно.

– Я два месяца отдыхала с мужем в Байях и чуть не умерла со скуки, – зевнув, ответила Постумия. – Да, я забыла познакомить вас с моими друзьями... Это Гай Анфидий, а это Марк Клавдий, сын сенатора Марцелла.

Юноши слегка наклонили головы, в их быстрых взглядах сверкнула затаенная угроза.

Катулл с преувеличенным обожанием смотрел на красавицу, стискивая зубы, словно от невыносимой страсти.

– Весьма радостно, что тебе позволено гулять по улицам, прелестнейшая Постумия... – говорил он сладким голосом. – Но зато с такой отличной охраной... Твой почтенный супруг может быть за тебя спокоен.

Подвижное лицо веронца мгновенно становилось то идиотски-веселым, то блаженно-хитрым. Глядя на его гримасы, Кальв едва сдерживал смех.

– Мне позволено... С охраной... – повторила матрона; ее брови удивленно и высоко поднялись, зеленые глаза в упор разглядывали Катулла. Клавдий и Анфидий, уловив в словах развязного веронца язвительный намек, нахмурились и сделали шаг вперед. Постумия остановила их повелительным жестом.

– Что ж, я выбираю охрану из самых благородных родов Рима, – насмешливо сказала она. – Мои телохранители, может быть, не особенно разбираются в литературных тонкостях, зато они хорошо воспитаны, не в пример людям, приехавшим из захолустья...

Катулл чмокнул сложенные щепотью пальцы (Кальв не удержался все-таки, хихикнул) и произнес с трагическим пафосом:

---

⁹² Стола – широкая верхняя одежда римской матроны.

⁹³ Латифундия – поместье с особенно обширным земельным наделом.

– Прости, я не знал, что ты поборница целомудренных нравов и суровой прямооты, подобно обоим Катонам⁹⁴. Что же касается благородства, то предки некоего транспаданца, приехавшего из захолустья, тоже были древнего рода. Правда, они не разбогатели на спекуляциях во времена проскрипций, не ограбили ни одной провинции и не смешали своей крови с кровью иноземных невольников, как это принято в знатных семьях. Они прославились в битвах с тевтонами⁹⁵. . . – Последние слова Катулл говорил, не скрывая гнева, закипавшего в его груди. Откинув голову и выставив правую ногу, он с дерзким презрением глядел на высокопоставленную матрону и ее спутников.

– О, Постумия, к чему этот тон недоброжелательства? – вмешался Кальв. – Если моему другу суждено оставить по себе память и в грядущих поколениях, то он сможет достичь этого благодаря своим чудесным стихам. (Умница Лициний знал, как привлечь внимание тщеславной патрицианки.) Не заметила ли ты в последнем катоновом⁹⁶ сборнике несколько недурных строк Валерия?

– Да, я знаю их, – ответила красавица, неожиданно бросив на Катулла ласковый взгляд. – Кстати, о какой Постумии там говорится?

– Ты проницательна, о божественная! – пылко заговорил Катулл, мгновенно забыв о язвительных намеках, – я вдохновлялся твоей несравненной прелестью. Ты похищаешь сердца. (Чем пошлее лесть, тем доходчивее!) Ты опьяняешь лучше спелого винограда, как я выразился в стихах, посвященных тебе. Я согласен всю жизнь складывать о тебе элегии, соперница Харит и Венеры, взамен твоей благосклонности. . .

Анфидий и Клавдий сделали еще шаг к этому болтливому наглецу. Его речи становились во много раз откровеннее допустимой светской любезности.

– Когда же я смогу увидеть эти новые стихи? – кокетливо улыбаясь, спросила Постумия.

– Тебе стоит только передать несколько слов через добряка Аллия, и я буду у твоих ног. Что же касается грозных взглядов твоих доблестных телохранителей, то я могу осведомить их, что, хотя я не воин, а человек тоги, в юности меня учили не только грамматике, но и владению мечом.

– Будем иметь в виду, – сказал Анфидий и еще сильнее выпятил грудь.

Когда Постумия со своим сопровождением удалилась, Кальв спросил:

– Зачем ты раззадорил этих молокососов? И я не понимаю, чего у тебя к ней больше – похоти или презрения?

Катулл молчал, опустив голову. После вспышек досады и гнева ему становилось грустно.

– Ну, теперь, – продолжал Кальв, – тебе придется по утрам заниматься фехтованием, а по вечерам ходить в харчевню на Фламиниевой дороге и есть там кушанье из бычьих ядер и петушиных гребешков⁹⁷, чтобы победить и в первом, и во втором случае. Боюсь, эти сенаторские сынки не отважатся на поединок, а просто наймут гладиаторов, чтобы они отправили тебя к Харону.

Катулл не выходил из дома, ожидая приглашения к любовному состязанию или к игре со смертью. Он одолжил у своего домохозяина Стаберия тяжелый кавалерийский меч, неловко подержал его в руке и велел Титу наточить.

Аллий, узнав обо всем, возмутился:

– Хорошо, нежное послание я тебе с радостью перешлю. . . Но биться мечом из-за глупой чванливой бабы! Клянусь Юпитером, если тебе надоело жить, запишись в легион и отправ-

⁹⁴ Марк Порций Катон Старший и его потомок, сенатор Катон – современник Катулла.

⁹⁵ Полчища германцев-кимбров и тевтонов, двигавшихся на Италию, были разгромлены знаменитым полководцем Гаем Марием.

⁹⁶ Имеется в виду поэтический сборник, который издавал Валерий Катон.

⁹⁷ Петушиные гребешки считались возбуждающими средствами.

ляйся воевать с парфянами. А лучше всего, выкинь-ка мусор из головы – пей, веселись и пиши стихи!

Постепенно тревога в душе Катулла утихла. Он стал опять встречаться с друзьями, обходить книжные лавки и посещать зрелища. Однако мысли о Постумии часто наплывали дурманящим облаком, и нетерпение жгло его по ночам.

Недели через две в дверь постучал мальчик, раб Аллия.

– Мой господин приказал передать это тебе, – сказал он, протягивая перевязанный лентой папирус. Дрожащими руками Катулл сломал печать из красного воска и, кусая губы, прочел благоухающее письмо Постумии.

Гаю Валерию Катуллу.

S.V.B.E.V. (сокращенно: «Если ты здоров – хорошо, я – здорова»)

Мой Валерий, я хотела бы видеть тебя завтра в доме Фульвия Нобилиора на Палатине. Общество будет самое избранное, всего человек десять. Программа собрания весьма изысканная: выступление Кифериды⁹⁸ с чтением монологов Медеи и Электры, бой трех пар гладиаторов (до смертельного исхода), последние стихи Катулла (читает сам молодой поэт) и совместное купание гостей в бассейне. Уверена в твоём согласии и буду рада выразить тебе своё благорасположение.

Катулл смял письмо в кулаке и повалился на ложе. Скоро он справился с собой, подавил стоны ярости и печально задумался, слушая воркотню Тита и звонкий смех мальчика.

А чего, собственно, он ожидал от избалованной красавицы? Нежных чувств? Скромности? Напрасно. Весь её внешний лоск лишь прикрытие настоящей сущности: тщеславия, ограниченности и самого низменного сластолюбия.

Мелькнула мысль ответить ей беспощадно злой эпиграммой, которую завтра со смехом станут повторять на всех углах. Однажды он не принял чести оказаться среди её случайных любовников и, слава великим богам, теперь он доволен, что так случилось. Учить вежливости и благородству надменную знать? Бесполезно. Эти люди считают себя средоточием вселенной и красой республики. Они не поймут негодования его оскорбленного достоинства.

– Подожди ответа, малыш! – крикнул Катулл посланцу Аллия. Он оторвал от папируса лоскут и небрежно, наискось написал по-гречески:

Постумии,
супруге счастливого Сервия Сульпиция,
хайретэ (желает радоваться) Гай Катулл.

Я не смогу засвидетельствовать почтение тебе и твоим друзьям, потому что врачи запретили мне купаться в бассейне. К тому же я не сочинил для тебя ни единой строчки.

---

⁹⁸ Киферида – известная в Риме актриса и танцовщица.

XI

Цезарь благодарил Марка Красса за прошлогоднее ручательство в восьмьсот талантов, без которого ему, пожалуй, не удалось бы вырваться в Испанию, – кредиторы собирались привлечь его к суду. Вернувшись императором⁹⁹, он расплатился с долгами и сделал щедрые пожертвования в храмы. Солдаты испанских легионов награждены, офицеры и сподвижники Цезаря обогатились.

За его счет устраивались роскошные пиршества для народа, гладиаторские состязания и всевозможные зрелища с участием мимов, фокусников, танцовщиц и акробатов. В щедром дожде расточаемых Цезарем денариев и аурей¹⁰⁰ наживались ловкие хищники – подрядчики и ланисты¹⁰¹. Римские оборванцы тоже старались уловить хоть что-нибудь в свои дырявые кошельки, но вынуждены были довольствоваться крепкими винами и обильной едой.

Улыбающийся, любезный Цезарь вместе с Крассом и Помпеем являлся под базиликами Палатина и Форума. В сенате его встречали ледяным молчанием, зато комиции¹⁰² бурными рукоплесканиями приветствовали победителя лузитанов¹⁰³. Дом Цезаря ежедневно гудел от грандиозных оргий, на которые сходились многочисленные гости – от известнейших нобилей до кавалерийских центурионов. В его триклиннии, среди римлян, иберийцев и греков, пировали приехавшие для переговоров с сенатом галльские князья и вождь германского племени свевов, огромный косматобородый Ариовист.

Впрочем, Цезарь проявлял щедрость не только в интересах политики. Красавице Сервилии он подарил эритрейскую жемчужину стоимостью более шести миллионов сестерциев.

В сопровождении Клодия Пульхра он ходил по вонючим переулкам Эсквилина и Целия, беседовал с хмурыми ремесленниками, хлебал с ними ячменную похлебку и грыз жареные каштаны. Он посещал больницы и раздавал деньги беднейшим семьям. Его популярность среди народа росла с каждым днем, и, не заняв еще консульское кресло, он мог бы с успехом ставить на голосование новые законопроекты.

В глазах римского общества Цезарь несколько скрашивал своим изяществом застывшую надменность прославленного завоевателя и сердитое брюзжание банкира. Говорили, что время Помпея и Красса прошло. Молодые Цезарева друзья, разогретые успехами и фалернским, провозгласили их безнадежными посредственностями. Цезарь слушал развязную болтовню этих выпивох и рубак и саркастически приподнимал уголки губ. Он-то знал, что Красс и Помпей – его нынешние покровители и соратники – наиболее дальновидные политики Рима и могут быть опаснейшими врагами.

Союз трех полководцев встревожил не только оптиматов. По городу ползли слухи – один страшнее и нелепее другого. Говорили, что в одну из ночей солдаты Цезаря и Помпея устроят невиданную резню, после чего республика будет отменена. Помпея провозгласят монархом в Риме, Цезарь будет царствовать в Испании, а Красс – на Востоке.

Подобные ядовитым испарениям Сиптонтинских болот, сплетни отравляли праздничное ликование римлян. На стенах домов появились ругательные надписи в адрес Красса, Помпея и Цезаря. Цицерон произнес в сенате речь, полную туманных, но предостерегающих наме-

⁹⁹ В республиканском Риме императором провозглашался полководец, совершивший победоносные завоевания; сенат присылал ему империй – символ временно безраздельной власти.

¹⁰⁰ *** Денарий – серебряная монета достоинством 4 сестерция; а у р е я – золотая монета.

¹⁰¹ ** Ааниста – хозяин гладиаторской школы.

¹⁰² * Комиции – собрание полноправных римских граждан.

¹⁰³ Лузитаны – племена западной Испании (Иберии).

ков. Сенаторы разгоняли мрачные мысли роскошными увеселениями на легендарных пирах Лукулла.

И все-таки Рим пока оставался республиканским, в нем еще жили граждане, открыто выражавшие свое возмущение триумвиратом. Но их выступления не находили поддержки ни у плебса, довольного щедростью Цезаря, ни у всадничества, отколовшегося от сената и поощрявшего своего представителя – Красса.

В один из дней середины февраля Валерий Катон пригласил друзей для празднования Фераллий – поминания умерших.

Гости проходили в атрий¹⁰⁴, где был установлен жертвенник со статуями богов и чернели ветви погребального кипариса¹⁰⁵. Курился ладан, киннамон и бальзам¹⁰⁶. Ароматный дымок бледнел и рассеивался в квадрате яркого солнечного света, проникавшего через отверстие в крыше. Взяв на себя обязанность жреца, хозяин прочитал положенные молитвы и в скорбных выражениях вспомнил общих знакомых, уже оказавшихся во власти беспощадного Орка¹⁰⁷. Затем Катон с озабоченным выражением лица направился в триклиний. Гости молча последовали за ним.

Обед в триклинии, согретом переносными жаровнями и украшенном пахучей туей, был, как всегда, обилен и прост. Все знали: поминание усопших – только повод, чтобы сообща обсудить тревожные события, происходящие в Риме.

Гелланик отослал служанок и мальчика-виночерпия. Катон произнес значительно:

– Сейчас следует вспомнить достославных ревнителей республики – Курия, Фабриция и старого Катона¹⁰⁸ – как образцы истинной римской добродетели.

– Еще своевременнее воззвать к душам тираноубийц Гармодия и Аристогитона¹⁰⁹... – сказал Целий Руф и твердо сжал красивые губы.

Гелланик наполнил чаши. Катон исподволь разглядывал обычно пылких и жизнерадостных друзей-поэтов. Пили сегодня без воодушевления, общее настроение не располагало к веселью. Кроме того, большинство еще не пришло в себя после излишеств, которым они предавались накануне.

Тицид сидел, опустив голову, его коричневое лицо с остроконечной бородкой казалось совсем египетским. У Цинны опухли глаза, и вокруг щек появилась нездоровая одутловатость. Стройный Руф, с типично римскими, решительными и правильными чертами лица, сердито хмурился. Он разделял мнение своего учителя Цицерона о недопустимости противодействия сенату. Руф был полон бесстрашного негодования и томился бездействием. Отсутствовал Меммий, он находился сейчас в клокочущей пучине политических страстей. Странно, что неумное тщеславие, распутство и расточительство не мешают ему оставаться тонким ценителем поэзии и самому сочинять порой недурные стихи. Пустовало и место историка Непота. Фурий и Аврелий угрюмо нахохлились, их полудетские лица портили ранние морщины, как на изображениях развратных фавнов. До неприличия растолстевший кутила Аллий вполголоса говорил что-то неподвижно нависшему над ним, притворно-сонному Вару. Выражение лица у адвоката показалось Катону несколько двусмысленным. Скорее всего сын кремонского башмачника совещался со своим адвокатским практицизмом по поводу пользы, которую можно извлечь для себя из сложившихся в правительстве опасных перипетий. В часы досуга он пишет изящные элегии, совсем непохожие на его щеголяние простонародной грубостью.

¹⁰⁴ Атрий – центральная часть римского дома.

¹⁰⁵ ** Кипарис считался в Древней Греции и Риме деревом, посвященным умершим.

¹⁰⁶ * Аравийские ароматы.

¹⁰⁷ Орк – одно из названий подземного царства Плутона.

¹⁰⁸ Курий, Фабриций и Катон Старший слыли примерами суровой доблести и патриархальной морали.

¹⁰⁹ Гармодий и Аристогитон – убийцы тирана Гиппарха (VI в. до н. э.), в Риме считались олицетворением самоотверженности и свободолюбия.

Очень сумрачен Гай Катулл. Беспорядочный образ жизни вреден хрупкому веронцу. Из застенчивого провинциала он превратился в любимца аристократической молодежи, приходящей в восторг от его хлестких эпиграмм и насмешливых замечаний. Катулл соревнуется с гуляками в поглощении немыслимого количества вина. Может быть, только он, Катон, искренне полюбивший непоседу Катулла, замечает, каким тот выглядит одиноким и разочарованным. Жаль, что Катулл не хочет оставить бесконечные пиры и забавы. Ведь из-под его стиля иной раз выходят строки, от которых у Катона перехватывает дыхание. Если боги позволят, то Катулл будет... великим поэтом. Но каким образом проявится божественный гений среди суеты и беспутства?..

Задумчив и другой веронец, ясноглазый Квинт Корнифиций. Последним пришел стремительный Кальв – примчался с Форума. Катон ласково смотрел на резкий и сухой профиль маленького оратора. Удивительный человек этот Кальв! С беспощадной логикой, железной волей и нежным, как у девушки, сердцем.

Встретив пристальный взгляд хозяина, Кальв сказал:

– Кое-кто несколько месяцев назад советовал мне напрасно не беспокоиться в отношении консульства Цезаря... Теперь можно наконец разобраться, кто оказался прав.

Катон отвел глаза:

– Я не предполагал, что эти знатные предводители толпы начнут свои действия так поспешно.

– Представляю себе, как взъелся сенат! – Вар захохотал деревянным смехом. На него посмотрели с недоумением: Вар словно радовался коварству Цезаря.

– Не вижу ничего смешного! – обозлился Кальв. – Скоро начнется настоящая драка, и в итоге созреют условия для отмены республиканских свобод.

Как человек, склонный к спокойному размышлению, Катон хотел было несколько смягчить резкость Кальва.

– И предупреждаю: на Форуме вьется Веттий, – сердито перебил его Кальв.

– Кто такой Веттий? – спросил Цинна. – Какой-нибудь продажный оратор?

– Луций Веттий – гнуснейшее порождение римских междоусобиц. Его ремесло – доносы на магистратов, сенаторов и других правителей государства. Ну, конечно, он занимается таким опасным ремеслом в чьих-то корыстных интересах. Этот негодяй настолько подл, что превозмогает даже свою трусость.

Катулл лениво усмехнулся. Иногда он становился несносно рассеянным, будто его занимали только собственные мысли и вовсе не интересовали новости, волновавшие друзей.

– Когда Цицерона провозгласили «отцом отечества», Веттий всячески пресмыкался перед ним. Марк Туллий падок на лесть, как все знают. Он опрометчиво назвал Веттия «честным и самоотверженным гражданином...».

Катулл расхохотался безудержно, зажмурившись и откинув голову. Всякая натянутость, амбиции государственных деятелей и ханжеские фанфары всегда его веселили. А энтузиазм римских посредственностей в нем, веронце, вызывал лишь иронию.

Корнифиций и Руф укоризненно смотрели на Катулла. Иногда они тоже были непрочь позлословить по поводу преувеличенного тщеславия Цицерона, но на деле считали себя учениками великого оратора и вполне разделяли его политические взгляды.

– Тогда Веттий решился на рискованный шаг, – продолжал рассказывать Кальв. – Он выступил перед сенатом, обвиняя Цезаря в сговоре с мятежниками-катилинарцами, и обещал представить его письмо к Каталине¹¹⁰, написанное будто бы накануне мятежа...

– Цезарь не дурак, чтобы терять такие опасные документы, – вставил Тицид.

---

¹¹⁰ Луций Сергий Катилина – патриций, сенатор, организовал заговор против сената. Разоблаченный Цицероном, бежал из Рима, поднял вооруженный мятеж, был разгромлен и погиб в сражении.

– Письмо Веттий представить не смог. Его объявили клеветником и отправили в тюрьму, хотя он, возможно, был близок к истине. Года два он не показывался и вот опять всплыл, – закончил Кальв.

Руф привстал и поднял полную чашу:

– Квириты¹¹¹! Друзья! Вы видите, триумвират надменного Помпея, лицемерного Цезаря и алчного Красса угрожает римской свободе. Поклянемся друг другу смело противодействовать тирану, кто бы им ни оказался. Не все потеряно: еще постоят за республику старые бойцы! Клянемся и мы заслужить себе посмертный памятник не хуже греков Гармодия и Аристоги-тона!

– Недурно сказано, Марк Целий Руф, – произнес задумчиво Кальв.

Валерий Катон молча, с торжественным выражением лица, кивнул головой.

– Клясться, так клясться! – весело крикнул Вар и влил в себя содержимое своей чаши.

---

¹¹¹ Официальное название римских граждан.

XII

Через месяц на Форуме разыгралась комедия с пресловутым Веттием в главной роли, действующим на этот раз в интересах триумvirата. Веттий выступил с доносом на Цицерона, Лукулла и Катона, якобы толкавших его на убийство Гнея Помпея. Цезарь собирался начать громоподобный судебный процесс, но Веттий опять не смог выдвинуть перед судебной комиссией ни одного веского доказательства. Цезарь кусал губы с досады. Веселая молодежь издевательски хохотала. Даже приверженцы триумvиров криво усмехались и отплевывались. Веттий был омерзителен всем.

И в эти дни совершенно неожиданно для друзей-поэтов по городу разлетелась эпиграмма Катулла:

Веттий-подлец, о тебе скажу я по полному праву
То, что о лъстивых глупцах люди всегда говорят:
Выгоду чуя свою, любому не только что пятки —
Задницу ты облизать грязным готов языком.
Если же нас погубить ты тоже задумаешь, Веттий,
Рот приоткрой лишь, дыхни — сразу нам всем и конец.

Доносчика-клеветника отвели в тюрьму. Там его отравили по тайному приказу Цезаря. Но тайна оказалась разглашенной, и Кальв говорил друзьям:

— Конечно, воздух в Риме стал чище, но... Вот вам еще один пример беззакония: без суда, следствия и согласия комиций гражданина умерщвляют велением всесильного владыки. Каково, свободные квиниты?

События продолжали стремительно разворачиваться. Минувя сенат, Цезарь провел закон, по которому египетский царь Птолемей Авлет провозглашался союзником римского народа. Ночью от посла Авлета в дом Цезаря под усиленной охраной доставили носилки с золотом. Сумма оказалась огромной, в шесть тысяч талантов, и Цезарь справедливо разделил ее с Помпеем. Затем он удовлетворил просьбу откупщиков и на треть сбавил откупы налогов в азийских провинциях. Доходы римских банкиров невероятно возросли. Благодарное сословие всадников преподнесло Цезарю и Крассу по массивной золотой цепи, украшенной крупными самоцветами. Кроме того, они получили многочисленные подношения от частных лиц.

Цезарь входил на заседания сената, бесцеремонно топая красными консульскими башмаками, с размаху садился в кресло слоновой кости и объявлял принцепсом (первым сенатором) попеременно то Помпея, то Красса. Он громко разговаривал и вызывающе смеялся в то время, когда Цицерон оплакивал в своей речи положение государства. Под его беззастенчивым нажимом сенат утвердил неслыханное решение о переводе смертельного врага Цицерона, святошата и бунтаря Клодия Пульхра из патрициев в плебеи. Теперь Клодий имел право добиваться должности народного трибуна, к чему он давно стремился. Катона и Лукулла, резко возражавших ему на одном из заседаний, Цезарь приказал под конвоем отправить в тюрьму. Сенаторы бледнели и втягивали головы в плечи: такого неуважения к авторитету «отцов города» не допускал даже свирепый Сулла.

Однажды в театре, на представлении «Близнецов»¹¹², Катулл неожиданно вмешался в разговор знакомых молодых людей:

— Что вы там путаете, называя нынешнее консульство — консульством Цезаря и Бибула, тогда как у нас теперь консульство Юлия и Цезаря? Я придумал об этом пару строчек...

---

¹¹² Комедия Плавта (III в. до н. э.).

Длинный, испытый щеголь Порций вытащил из-под тоги табличку и протянул Катулле:
– Прошу тебя, любезный Валерий, напиши здесь свое двустиише.

Едва Катулл кончил писать, как другой выложенный бездельник, Луцик Калькой, выхватил у него табличку и громко прочитал:

В консульство Цезаря то, а не в консульство Бибула было,
В консульство Бибула, друг, не было, знай, ничего.

Остроумное выражение Катулла о «консульстве Юлия и Цезаря», а также его двустиише пошли гулять по рядам, вызывая в разных местах взрывы смеха.

Сидевший с Катуллом Тицид, понизив голос, сказал:

– Напрасно ты пренебрегаешь осторожностью. Я слышал, что Цезарю известны твои эпиграммы. Пока он не придает им серьезного значения, но если ты будешь и впредь поносить его друзей, то... всего можно ожидать от человека с тираническими склонностями.

– Оставь, напوماженный Тицид. Ты просто завидуешь моей шутовской славе, – с беспечной иронией возразил Катулл. – Да, кстати, разве ты забыл о нашей священной клятве? Ах, как страшны эти заговоры с обильным возлиянием тускульского!

На стенах многих домов появились насмешливые слова Катулла, и римляне долго ими потешались.

Сатиры и эпиграммы распространялись не только изустно. Знаменитый ученый, историк и поэт Теренций Варрон издал прекрасно оформленный памфлет, в котором называл могущественный триумвират «трехглавым чудовищем», сравнивая его с мифическим псом Плутона, ужасающим, кровожадным и мерзостно-грязным Цербером.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Ветви платанов покрылись юной листвой. Шелестели упруго серебристые тополя. Голосами птиц звенели яникульские парки, лесистые холмы Лация и Тускула.

Плебеи готовились к заклинанию лемуров, опасных духов, зыбкими привидениями крадущихся во тьме. Защиты от них молят у повелительницы призраков, мрачной Гекаты, принося ей в жертву черношерстных животных. Рои зловредных нежитей множились в теплую весеннюю пору, подобно комарам-кровопийцам. Меняя свой облик, текучий и неосязаемый, они проникали в жилища, принося болезни и толкая на преступления: желтые, тухло смердящие духи болотной лихорадки, постыдные видом, неотвязчивые духи запретного сладострастия, красноглазые, клешнястые, ядовитые, как скорпионы, духи смертельной, необоримой зависти. Особую силу вся эта нечисть брала ночами – вилась над кладбищами, клоаками, выгребными ямами... Но ранним утром, когда над Тибром истаивал туман и в пригородных усадьбах кричали петухи, нечисть пряталась, а в городские ворота сотни повозок ввозили душистые снопы только что срезанных цветов. Густой аромат наполнял римские улицы, будто они превращались в росистые фиденские луга или пренестенские плантации. Жимолость, жасмин, фиалки, маки, гиацинты, глицинии, багровые, белые, пунцовые розы... в деревянных ведрах, глиняных кувшинах, медных тазах расставлялись на ступенях храмов, прямо на мостовой, у тибрской пристани Эмпория.

Нежная заря золотила крыши палатинских дворцов и многоярусных плебейских «клоповников», городские стены, колоннады и цирки, торжественный выход консула с ликторами и свитой, разодетых матрон, спешивших в свой день рождения к храму Юноны, и трупы гладиаторов, гниющие на поле между Эсквилинскими и Кверкветуланскими воротами.

Корнелий Непот встал с рассветом. Он надеялся пройти к Форуму по спокойным и сонным улицам, – есть своя прелесть в утреннем безлюдье самых оживленных обычно мест. Непот думал в числе первых оказаться у книжных лавок и найти на заваленных хламом полках что-нибудь из интересующих его редких книг. Но Рим уже наполнился энергичным движением и шумом.

Всю ночь к рынкам тянулись обозы. И сейчас еще повозки, скрипя, вкатывались в городские ворота. Из широкодонных барок, подплывавших к пристани, служащие работорговца Торания высаживали грустных невольников с вымазанными мелом ногами и гнали их к храму Кастора, где был постоянный невольничий рынок.

На Велабр – рынок съестных припасов – везли снедь со всей Италии, со всего света.

Торговые ряды расположились нескончаемой лентой по обеим сторонам Субурры, по Виа Дата, пересекавшей город из конца в конец, около Форума, на самом Форуме и на многих улицах и площадях.

Повсюду толкаются и шумят римляне и те, кто теперь тоже считают себя римлянами. Воинственные марсы и латины, вспыльчивые самниты, хитрые круглолицые этруски – знатоки древней мантики¹¹³, приземистые, медлительные умбры, храбрецы луканы, грубые оски, сицилийские, тарентские, неаполитанские греки, светловолосые цизальпинские галлы и другие племена и народности, населявшие издавна долины, горы и побережья Авзонии¹¹⁴.

---

¹¹³ Искусство гадания по внутренностям и костям животных.

¹¹⁴ Авзония – древнейшее название Италии.

А между ними ходят люди из дальних стран, приехавшие сюда временно или навсегда. Греки из Афин, Коринфа, Спарты, Фессалии и Эпира, греки со всех эгейских островов, с Кипра и Крита, и даже прибывшие из Тавриды и Сарматии – вездесущий народ Средиземноморья: купцы, философы, грамматикки, ювелиры, врачи, поэты, актеры, музыканты, гадатели и гетеры. И, конечно, рабы, десятки тысяч греков-рабов.

Встречаются в Риме иллирийцы, фракийцы, македонцы. Это люди простого нрава, предпочитающие изобилию республики свои бедные горные деревни. Они хорошие пастухи и гладиаторы, – вспомним, что Спартак был фракийцем. Попадают нередко иберы и лузитаны – жертвы испанских походов Помпея и Цезаря. Женщины этих народов нередко красивы, но у них нет лоска, общительности и приятной живости гречанок. На фракийцев и македонцев походят белокурые, голубоглазые, высокорослые варвары из косматой Галлии¹¹⁵.

Бронзовые, угловатые египтяне – знатоки драгоценных камней и ядов. Их хрупкие женщины умеют петь тонким голосом, играя на арфе, и владеют тайнами немислимого обольщения. Египтяне чаще притворяются, будто располагают волшебными познаниями древних, но так же, как и далекие предки их, злопамятны и коварны. В торговле детей Нила оттеснили их властители, александрийские греки; они привозят в Рим пестротканые покрывала, ароматы и снадобья, львов для травли, обезьян для забавы, чернокожих эфиопов и монеты с профилями Птолемея.

В римской толпе мелькают горбоносые лица, клобуки и тюрбаны сирийцев, арамеяв, персов, армян и прочих людей Востока, покоренного однажды Александром Великим и теперь, после победоносных походов Суллы и Помпея, вновь вынужденного прийти в тесное общение с Западом. От них несколько отличаются иудеи – не обликом, а особой племенной замкнутостью, нетерпимостью к чужим обычаям и обрядам. Впрочем, среди иудеев немало оборотистых и богатых торговцев; говорят, к ним благоволит Цезарь.

Когда-то вероломный и подбострастный Восток с его застарелой вонью, кудлатыми бородами, постыдной невождержанностью был презираем до гадливого отвращения бодрими и суровыми сыновьями Квирина¹¹⁶. И вот Восток влился в жизнь римлян, развратил их, изнежил, заставил даже беднейших искать роскоши и безделья.

Опустели храмы Юпитера и Марса. Толпа устремляется в восточные святилища, кликушествуя в непристойных мистериях. Нелепые суеверия увлекают даже образованных и рассудительных людей. Теряют своих приверженцев философские возвышенные учения эллинов. Сенаторы, сколько ни противились, вынуждены разрешить отправление иноземных культов, потребовав только, чтобы их мерзостные капища строились подальше от римских храмов, за городской стеной. Большого не смогли сделать поборники старого уклада и государственной религии; их жены и дочери, не скрываясь, направляются в храмы Сераписа и Изиды и тайно – в святилища Кибелы или Астары.

Непот мысленно беседовал с самим собой. Где бы он ни находился, он чувствовал свое одиночество; связанное с ощущением бесспорного духовного превосходства, оно являлось итогом глубоких и целенаправленных размышлений. Умеренным образом жизни и воспитанием воли Непот поддерживал в себе эту внутреннюю сосредоточенность. Он не желал отдаваться праздности и грубым соблазнам, как Гай Катулл, который никогда не молит Муз о подлинном вдохновении. Катулл увлекается, пустословит и веселится, а вдохновение приходит к нему чаще всего по какому-нибудь ничтожному поводу. В глубине души Непот осуждал такое отношение к творчеству. Он продолжал питать свои размышления плодотворной пищей греческой

¹¹⁵ Косматая Галлия – обширная страна, лежащая на северо-запад от Альп, до Северного и Британского морей (территория современных Франции, Бельгии и Голландии).

¹¹⁶ Квирин – обожествленный основатель Рима, Ромул, считавшийся сыном Марса.

мудрости. Историк как бы мысленно вглядывался в лица давно умерших героев, чтобы отыскать среди них прообразы своих будущих «Жизнеописаний».

Солнце давно поднялось. Непот перебирал пыльные свитки и переходил от одной лавки к другой. Пройдя почти полностью торговые ряды Аргилета, Непот неожиданно увидел Катулла, будто не случайно только что о нем вспоминал. Катулл смеялся, слушая болтовню какого-то развязного молодца.

Иной раз Непот огорченно думал о том, что столь щедро одаренный поэт растрчивает здоровье в оргиях, а скромные средства в модном мотовстве. Для поэзии ему не хватает времени. Непот ценил пытлившую свежесть его ума и чистоту сердца. Но, будто нарочно, он удивлял друзей своим безграничным сумасбродством. Преданный и ласковый, как ребенок, Катулл вдруг мог проявить обидное высокомерие или в споре быть нестерпимо грубым. Потом он раскаивался, но ненадолго. В представлении веронца о честности не укладывались сложности политических ситуаций, в которых подчас оказывались некоторые из членов «александрийского» кружка, – любое проявление изворотливости приводило его в бешенство.

Катулл великолепно знал греческую и римскую литературу, он легко постигал недоступный многим поэтический смысл и красоту стихотворной формы. Поэзия была его сущностью, для выражения своих мыслей он всегда находил единственно точные, изящные и образные сочетания слов. В то же время он раздражал изысканных знатоков пристрастием к нескромным песенкам и примитивным притчам простонародья. С одинаковым увлечением он торопился на представления классических трагедий и уличных мимов, восхищаясь теми и другими, будто рыбак с Бенакского озера. Стихи Катулла были полны той же непосредственной откровенностью, что и его поведение, претившее благовоспитанным людям. Однако проницательный Непот терпеливо ждал от Катулла необычайного и не преувеличивал его видимых пороков. Он знал, что большей частью все это эффектная поза, вихрь безрассудной молодой бравады. Непот только спрашивал себя: когда наконец гений, посланный с Геликона¹¹⁷, заставит взбалмошного Гая запеть иным, божественным голосом?

Заметив историка, Катулл обрадовался и потащил к нему своего приятеля.

– Милый Корнелий! – кричал Катулл на весь рынок. – Вот взгляни-ка, это редкостный болтун из рода Флавиев. Познакомьтесь.

Непот без особого удовольствия пожал руку краснолицему весельчаку.

– К своей знатности он относился с безразличием и не желает преуспеть на трибуне Форума, – продолжал трещать Катулл. – Дар Флавия состоит в удивительной памяти на всякие уморительные сплетни...

– Да, тут уж меня не переплюнешь, – самодовольно согласился Флавий.

Оба были слегка навеселе: возбуждены и вертлявы, как ящерицы.

Непот улыбнулся со снисходительным добродушием:

– О каких же интересных событиях ты можешь рассказать нам, любезный Флавий?

– Флавий, не опозорься! Двинь-ка вовсю, чтобы умник Непот обомлел! – Катулл приплясывал от предвкушения забавы, как шаловливый мальчишка.

Флавий встал напротив Непота в комически-величественную позу и закинул узенькую пенулу через левое плечо.

– Итак, первое, драгоценнейший Непот. Когда гаруспикам¹¹⁸ привели быка, чтобы они по бычьей печени определили – стоит ли возобновить войну с Парфией, случилась невероятная вещь. Подойдя к жертвеннику, бык поднял хвост и вывалил здоровенную лепешку. Гаруспики засуетились, стараясь оттолкнуть быка в сторону, но он стоял, как скала, а из-под хвоста у него

---

¹¹⁷ Геликон – гора в Греции, мифическая обитель Аполлона и Муз.

¹¹⁸ Гаруспики – жрецы-гадатели, они истолковывали будущее по внутренностям жертвенных животных.

лилось и шлепалось, пока весь жертвенник не оказался заляпанным навозом. После этого бык повернул к гаруспикам морду и явственно промычал: «М-Марк Красс».

Непот не удержался от смеха:

– Что же из этого следует?

Флавий «честно» округлил глаза и ответил:

– Гаруспики прекратили гадание и отпустили быка пастись на лужайку. Ведь и так стало ясно, что военные действия против Парфии вновь начнутся, когда во главе наших армий встанет Красс. История правдивейшая, не вызывающая никаких сомнений. Теперь – второе. Когда жрецы-авгуры насыпали пшеницы священным курам, чтобы определить по их клеву, как успешны будут заседания сената, то случилось еще более удивительное знамение. Три самых крупных курицы разогнали остальных и склевали всю пшеницу, хотя петух возмущенно хлоптал, а обиженные куры жалобно стонали. Вот уж этому указанию богов объяснение дать проще простого. Тем не менее авгуры не смогли вразумительно его объяснить.

– Ну, мой Непот? Каков Флавиций? – веселился Катулл. – Он ведь не выдумывает эти истории, а только пересказывает то, о чем болтает народ.

– И последнее, самое достоверное известие... – заспешил Флавий, несколько разочарованный сдержанностью историка. – Умоляю, выслушайте! Говорят, Цезарь тайно посылал в Египет своих агентов... А зачем? Не догадаетесь никогда! Чтобы они проникли в гробницу Александра и отрезали у трупа указательный палец...

– И что же?

– Палец доставлен в Рим. Цезарь приказал оправить его в золото, носит на груди под туникой, словно детскую буллу¹¹⁹, и надеется, что к нему придет слава непобедимого македонца.

– Катулл, мне кажется, эта тема пригодится тебе для эпиграммы, – усмехнулся Непот.

Беседуя, молодые люди двигались вдоль книжных лавок. Непот искал на прилавках исторические заметки Платона.

– Ты напрасно теряешь время, – сказал Катулл. – Найти сейчас в Риме редкую книгу – невозможно. Прошло время, когда книгами интересовались библиофилы и любознательная молодежь. Ныне разбогатевшие отпущенники, чванливые тупицы и спекулянты скупают все ценное из-за пустой похвалы или корысти. Ты прольешь ручьи пота в розысках и сорвешь голос, уговаривая наглых барышников. Даже если у тебя достаточно денег, надежда слаба. Нужно иметь мощь Геркулеса, чтобы расчистить эти авгиевы помойки¹²⁰...

Улыбнувшись, Непот произнес из Еврипида:

– Нет в мире положенья столь ужасного,
Нет наказания богов, которого
Не одолел бы человек терпением.

С сомнением покачав головой, Катулл принялся показывать историку свитки. Хозяин лавки пытался расхваливать свой товар, но Катулл сердито замахнулся на него.

– Взгляни-ка, – говорил он Непоту, – назидательные поэмы Энния лежат на самом видном месте. А вот тяжеловесные трагедии Цесия, Аквина и других нынешних бездарностей... Сборники речей Цицерона, Катона, Гортензия, Красса... Напыщенные трагедии Пакувия... Трактат Варрона о распределении сельских работ на доходной вилле... Его же речи, исторические труды... Философия Полибия... О боги, опять Цесий! Это что? «Пчеловодство» Гигина.

¹¹⁹ Булла – ладанка с талисманом «от сглаза», которую в Риме носили дети.

¹²⁰ Катулл имеет в виду мифические конюшни царя Авгия, вычищенные Гераклом; для забавы Катулл говорит «помойки» вместо «конюшни».

Гм, как сладко издано... Труд о сельском хозяйстве карфагенянина Магона – и в двадцати восьми книгах! Чтоб тебе провалиться в Эреб! Магистраты еще жалуются, что папирус дорожает, и египтяне дерут за него шкуру! Стихи, стихи... На греческом... О, «Сиракузянки» Феокрита¹²¹! Ты прав, мой Корнелий. Вот первая стоящая находка!

– «Сиракузянки» – прелестная комическая идиллия, – сказал Непот, заглядывая через плечо Катулла, и прочитал вслух заключительные слова простодушной героини Феокрита:

– Время, однако, домой. Ведь муж мой
не завтракал нынче.
Он и всегда-то как уксус, а голоден —
лучше не тронь!

– Эти слова необыкновенно точно относятся ко мне, – заявил Флавий, со скучающим видом переминавшийся с ноги на ногу. – Я устал. Я мечусь все утро среди толпы, словно мышь в ночном горшке...

– Удачное сравнение, – фыркнул Катулл. – Как видишь, и ты не лишен литературных способностей.

– Не смей толкаться... Мне неудобно за твое поведение перед воспитанным и выдержанным Непотом. Правда, я предпочитаю выдержанное фалернское... Как, ты не плачешь, расставаясь со мной, о, каменное сердце?

– Ты успеешь надоесть мне завтра, пьянчужка.

– Не корчи из себя стойка. Ты не меньше меня любишь попойки и всякие безобразия. На другом видишь вошь, а на себе клопа не замечаешь. Я покидаю вас, почтенные книжники, и отправляюсь на Табернолу, в таверну Плокама. Всего наилучшего!

Когда Флавий скрылся, Непот посмотрел на Катулла своими спокойными, серо-голубыми глазами и спросил:

– Не понимаю, где ты находишь таких... одаренных приятелей?

– У Флавиция есть остроумие уличного мима. Временами он смахивает, правда, на кабацкое отребье, хотя по рождению принадлежит к палатинской знати. С его помощью я изучаю нравы.

– Знатность происхождения ничего не значит, даже наоборот. Нынешние аристократы настолько опустили в отношении нравственности, что перестали стыдиться не только своих рабов, но и других людей. Поведение и разговоры самых блистательных матрон часто отдают рынком и лупанаром.

– Пожалуй. Ведь стыд и честь – как платье: чем больше потрепаны, тем беспечнее к ним относятся.

---

¹²¹ Феокрит (III в. до н. э.) – выдающийся греческий поэт-лирик.

II

К полудню солнце становилось жестоким. Оглушительно вопили лоточники, предлагая прохожим жареные бобы и медовое печенье. Другие наливали в глиняные кружки ватиканской кислятины, соблазняли дешевыми украшениями и, подмигивая на угол, ласками веселых девиц.

На Палатине толкотни было меньше, чем в плебейских кварталах, однако группы аристократов, прогуливающих в сопровождении клиентов и рабов, создавали и здесь заметное оживление.

Возле одного из патрицианских особняков, под великолепным портиком, у решетки, увитой плющом и виноградом, гудела толпа. Катулл и Непот подошли ближе. Оказалось, хозяева особняка отмечали какое-то семейное торжество, и любопытные собрались поглазеть на знатных гостей. Среди уличных бездельников выделялись элегантно одетые молодые люди, проявлявшие особое нетерпение. Эти щеголи торчали здесь, чтобы хоть таким способом увидеть светских красавиц – предмет своей безнадежной страсти. Влюбленные вздыхали и волновались. Остальные зрители перебрасывались дерзкими замечаниями, без стеснения разглядывали гордых нобилей, обсуждали наряды и драгоценности матрон.

Катулл нашел знакомых и вместе с ними издевался над тучными животами и красными от возлияний лысынями сенаторов.

– Послушай-ка, – обратился к нему Непот, – ты, кажется, спрашивал меня однажды про жену Метелла Целера Клодию...

– Я как-то видел ее издали, да ничего не разобрал.

– Она необыкновенно хороша. Можешь взглянуть на нее поближе. Вон две матроны, окруженные светскими хлыщами. Одна из них чуть повыше ростом, с черными волосами, – это Волумния, жена сенатора Агенобарба, а другая, светловолосая, и есть Клодия.

Продолжая смеяться чьей-то удачной остроте, Катулл повернул голову. Он не заметил прелестной Волумнии. Не отрываясь, остановившимися, будто от ужаса, глазами, он смотрел только на Клодию. Катулл не чувствовал суетного и жадного любопытства. Он был готов преклонить колени и молиться, уверенный, что к нему приближается олимпийская богиня. Но не такая, какой ее изобразили в мраморе суровые, рациональные стоики: с маленькой целомудренной грудью и мускулистым животом атлета, а в совершенном расцвете женственной красоты.

Клодия рассеянно взглядывала на толпу синими, чуть косящими глазами Венеры.

Пронизанную солнцем, полупрозрачную столу жемчужного цвета соткали в невообразимо далекой стране серов¹²² и доставили в Рим через Индию и Египет будто лишь для того, чтобы, надев ее, Клодия не могла скрыть ни одного изгиба своего прекрасного тела... В это верили все, в их числе и обомлевший Катулл.

Беседуя с Волумнией, Клодия подошла ближе. На груди ее переливался огненно-красный опал, на руках блестели золотые браслеты.

Катулл перевел взгляд на белоснежный паллий¹²³, волочившийся по отшлифованным плитам, потом на золоченые туфли с сапфирами в виде крошечных звезд. Вождение не шевельнулось в нем. Для чувственного влечения требовалась более ограниченная красота, лишенная такого неправдоподобного совершенства.

Сердце билось тяжелыми, гулкими ударами и вдруг так резко и больно сжалось, как будто смерть приблизилась и коснулась его волос. Он с трудом перевел дыхание. Тело его покрылось

---

¹²² Страна серов – Китай, шелк – по-латински «серикум».

¹²³ Паллий – длинный и широкий греческий плащ.

потом, руки и ноги заledenели. Непот что-то говорил ему, – он ничего не понял. Словно оглох. И потерял способность соображать.

Восхищенный ропот следовал за двумя красавицами, как скрежет гальки за волной, отхлынувшей в море. Катулла нестерпимо захотелось продлить терзающее его наслаждение. Он бросился вперед, но перед ним сомкнулся ряд несокрушимых римских спин, и никто даже не заметил его молчаливого буйства. Будто за милю вспыхнула белокурая тиара волос. Клодия простилась с Волумнией, улыбнулась сопровождавшим ее поклонникам и села в свою роскошную лектику¹²⁴, задрапированную виссоном¹²⁵. Статные рабы разом подняли ее и легко понесли.

Забыв о Непоте, обо всем на свете, Катулл помчался к Аллию. В дверь он колотил ногами и руками и бешено рвал кольцо из бронзовой львиной пасти. Встревоженный раб, открыл с опаской, а узнав, приветливо поклонился.

– Где твой господин? – закричал Катулл. – Замолчи, подлая птица! (на ручную ворону, каркнувшую из клетки «сальве»¹²⁶).

– Но господин в бальнеуме... – растерянно начал раб.

– Все равно!

– Я не могу отлучаться. Эй, кто там? Эвмен! Проводи друга нашего господина в бальнеум.

Лежа в горячей воде, Аллий отмокал после ночного пира. Это было прекрасное средство для восстановления сил. Исчезла тяжесть в затылке, тошнота и угнетенное состояние духа. По телу разливалась приятная, безмятежная сонливость.

Вбежав, Катулл рухнул на пол и обхватил Аллия за шею. Толстяк испуганно уставился на него. Катулл тяжело дышал, вода лилась через край бассейна на его щегольскую пенулу.

Наконец Аллий вымолвил:

– Что случилось, Гай? Откуда ты свалился?

– Не сердись! Прости мою бесцеремонность! Прости и помоги мне! – причитал Катулл.

– Ничего не понимаю... Что ты мелешь, дружок?

– Я не подозревал, что это может случиться со мной! И вот сегодня стрела Амура жестоко пронзила мое сердце...

Аллий осторожно высвободил шею из объятий Катулла, покрутил головой и опять вытаращил на него припухшие глаза. Постепенно его тучное тело стало колыхаться, и, закатившись приступом хохота, он повалился в воду.

Обессилев и еще издавая заключительные стонущие звуки, Аллий взглянул на Катулла. По бледному лбу веронца струйками стекал пот. Исступленный взгляд, стиснутые зубы, излом бровей, как на трагической маске, говорили об искреннем страдании. Он не замечал своей вымокшей одежды.

– Кликни-ка Эвмена, – сказал Аллий сердито.

Он приказал вошедшему рабу взять у Катулла одежду, высушить ее и принести холодного велитернского.

– Наливай, и приступим к делу, – сказал Аллий, когда раб подал вино. – Объясни толком, каким образом я могу тебе помочь?

– Клянусь Юпитером Капитолийским, я никогда не думал о какой-то невероятной, роковой страсти. Мне казалось, что все эти муки и вопли существуют только в трагедиях Еврипида. И вот страсть вонзилась мне во внутренности, как вертел. Чтобы увидеть возлюбленную еще раз, я готов пойти на убийство и поджог.

– Примерно то же ты нес, когда вздыхал о потаскушке Постумии.

¹²⁴ Лектика – носилки, портшез.

¹²⁵ * Виссон – драгоценная восточная ткань.

¹²⁶ Сальве (Salve, *лат.*) – добро пожаловать.

– Нет, нет! – закричал Катулл. Он заметался по бальнеуму. Аллий посмотрел на его босые пятки, шлепающие по мокрому мрамору, но не улыбнулся.

– Ты и вправду не можешь без нее жить? – спросил он. – Кто же она?

И тут Катулл замялся. Ему стало стыдно своей несдержанности.

– Она патрицианка, первая красавица Рима... – бормотал веронец.

Аллий продолжал глядеть вопросительно: мало ли какую патрицианку Катулл считает первой красавицей?

Катулл сел на скамью и виновато, но с надеждой сказал:

– О Луций, золотой, милый, добрый друг... Только ты можешь познакомить бедного транспаданца с божественной Клодией, женой Метелла Целера...

– Что?! – Аллий уронил чашу с вином.

Катулл сидел, сжав голову руками, и глядел исподлобья, пока Аллий выбирался из воды, розовой от пролитого вина.

Молчание длилось. Они сидели рядом: поджарый, взлохмаченный Катулл и толстяк Аллий, красноватый, с большим животом и мясистыми плечами.

– Я многое мог бы тебе рассказать про жену Целера, – начал Аллий, – но вижу, что это совершенно бесполезно и еще больше тебя расстроит. Ты думаешь, будто познакомиться с Клодией можно лишь при помощи аристократических связей? Ты ошибаешься. К ней не без успеха может подойти и... Ну, хорошо, я умолкаю, не бросай на меня свирепых взглядов. Клодия, так Клодия. Тем более что она ослепительно красива и весьма неглупа. Раз ты просишь, я сведу тебя с ней.

– Когда? – спросил Катулл и поцеловал Аллия в мокрое плечо.

– Нечего подлизываться, я и так тебе помогу. За несколько дней до июньских календ¹²⁷ будет праздник в доме сенатора Вариния. Палатинская знать соберется к нему. Я думаю, там мы найдем и жену Целера.

– Ты исцеляешь меня! – радостно закричал Катулл, внезапно помрачнев, он спросил: – Как ты находишь, я не слишком уродлив? Есть у меня хоть малейшая надежда понравиться?

Аллию надоело утешать Катулла. Весело подмигнув, он принялся разглагольствовать:

– Нельзя сказать, что ты красавец. Однако тебе не откажешь в привлекательности. На лице у тебя нет прыщей, оспин, гнойных язв и шрамов – это уже хорошо. У тебя живые и блестящие, как у обезьяны, глаза. По их выражению можно заключить, что ты не дурак, а также, что ты ненасытен и развращен. У тебя наглая улыбка и оскал зубов, как у кусачей собаки. Все это обычно нравится женщинам. Что касается фигуры, то, конечно, ты не очень похож на статую Мирона или Лисиппа¹²⁸... Впрочем, ты довольно строен, хотя и несколько суховат. Но это не должно тебе повредить, потому что всякому известно: хороший петух всегда тощ.

– О боги, – простонал Катулл, – за что вы послали мне в друзья такого бессердечного человека!

---

¹²⁷ Календы июня – 1 июня.

¹²⁸ Мирон (V в. до н. э.) и Лисипп (III в. до н. э.) – великие греческие скульпторы, изображавшие преимущественно могучих воинов и атлетов.

III

В назначенный день они отправились к дому сенатора Вариния. Обширный особняк находился у подножия Палатинского холма. Напротив сияли белизной храмы и базилики Форума.

Сенатор Публий Вариний, седой, но еще крепкий мужчина, стоял при входе с женой и двумя старшими сыновьями. Родственников и друзей он радостно обнимал, с высокопоставленными гостями обменивался рукопожатием, остальных – приветствовал поднятой рукой.

На круглой площадке, окруженной миртами и кустами роз, бронзовая нимфа обольщала дельфина, который орошал ее зеленое лицо изогнутыми чистыми струйками. Позади фонтана музыканты наигрывали на кифарах и флейтах неназойливые мелодии. Мальчишки, загримированные под мифического Ганимеда¹²⁹, разносили сладости.

Катулл и Аллий остановились, разглядывая гостей. Одеты в латиклавы с пурпурной полосой, в расшитые сирийские ткани и полупрозрачный шелк-серикум, блистая драгоценностями и благоухая восточными ароматами, нобили и матроны медленно прохаживались по дорожкам сада.

– Ну, гляди, где тут твоя Цирцея¹³⁰... – сказал Аллий.

Катулл взволнованно озирался, но Клодии нигде не было видно.

– Давай-ка я покажу тебе кое-кого... – предложил Аллий. – Ты ведь впервые попал в такое сборище знати. Вот, например, рыжий и противный лицом Фавст Сулла, сын незабвенного кровопийцы. Видишь, как он радостно скалит зубы? Фавст счастливый жених, ему обещана дочь самого Помпея. А вот и она в паре со своей распутной сестрицей. Что сделаешь, мой милый, потомство тиранов стремится объединить наследственные качества грабителей и убийц...

Оживленно беседуя, вошли двое сенаторов: один среднего роста, густобровый и бледный, с острым подбородком и запавшими щеками, другой – высокий, красивый, нарумяненный и напудренный, по виду несколько старше своего собеседника.

– О, достойнейшие мужи! *Decora et ornamenta saeculi sui!*¹³¹ – воскликнул Аллий. – Это Варрон и Гортензий! Варрон хмур от ненависти к триумвирам и бледен от ночных бдений, во время которых он пишет философские и агрономические трактаты, исторические анналы, речи, памфлеты, трагедии, комедии, поэмы, элегии... Ну, что вообще можно еще писать? А Гортензий, бывший когда-то соперником Цицерона, теперь малость скис, растерял свою славу и политические позиции. Зато он на склоне лет стал увлекаться радостями жизни – составляет кулинарные рецепты, покупает девочек и сочиняет легкомысленные стихи.

Тем временем Варрон отошел к группе гостей. Аллий схватил Катулла за край тоги и поспешил представить его Гортензию.

– Очень рад, – улыбаясь, говорил знаменитый оратор, – мне нравится твоя непосредственность, любезный Катулл. Не выношу напыщенных моралистов в поэзии. Живем один раз; после смерти – ничто, а богов не интересует жалкая суeta людей, как учит Эпикур. Я тоже не чужд поэтических занятий именно вашего «александрийского» толка. Как-нибудь с удовольствием приду в собрание одаренной молодежи. Теперь у меня много последователей, желающих перенять не только приемы красноречия, но и мой опыт в разведении павлинов. Что ты скажешь об этом, Аллий? Надеюсь, ты не считаешь мое увлечение ничтожным?

¹²⁹ Ганимед – прекрасный юноша, виночерпий у олимпийских богов.

¹³⁰ Цирцея – волшебница из гомеровской «Одиссеи».

¹³¹ *Decora et ornamenta saeculi sui!* (лат.) – Слава и украшение нашего века!

– Как ты мог подумать только о подобной дерзости с моей стороны! – воскликнул Аллий. – Все, что увлекает великого Гортензия Гортала – блестящие риторические обороты или созерцание сказочных индийских птиц, – всегда значительно и изящно.

– Благодарю, милый Торкват. Я оставляю вас, юноши. Кстати, вот и еще один ваш собрат по кружку...

К Катуллу и Аллию подошел Гай Меммий с лавровым венком на голове.

– Что случилось? Почему ты такой надутый и в венке? – удивился Аллий; он хитро сощурил глаза, предчувствуя нечто забавное. В ответ Меммий недовольно пожал плечами.

– Дядя умолил меня написать дифирамб¹³² для Вариния, – сказал он. – Я и сочинил сдуру длиннейшее славословие в подражание Ариону¹³³. Старики пришли в восторг и нацепили на меня этот проклятый венок. Да еще забота: сейчас явится толстуха Фульвия с тощей Мунацией и красоткой Клодией... Я обещал их сопровождать до начала пира.

Аллий хихикал, но Катуллу было не до смеха. Услышав, что скоро увидит поразившую его воображение красавицу, веронец побледнел и стал беспокойно оправлять складки своей тоги. Он показывал Аллию глазами, чтобы тот расспросил о Клодии, но Аллий слишком увлекся сплетнями. Заметив наконец гримасы Катулла, он обратился к Меммию без всяких уловок и предисловий:

– Веди сюда Фульвию и матрон, что придут с нею. Я хочу познакомить с Клодией нашего Катулла. Он увидел ее неделю назад и страстно влюбился.

Катулл вспыхнул, но Меммий не выразил ни удивления, ни иронии.

– Хорошо, сейчас приведу, – только и сказал он.

---

¹³² Дифирамб – торжественная песнь, восхваляющая богов или героев.

¹³³ Арион – легендарный греческий поэт, создатель дифирамбов.

IV

Плавную музыку кифаредов перебили звонкие удары кимвал. Ворвались мимы и танцовщицы, одетые сатирами, силенами и вакханками. Кривляясь и высоко вскидывая ноги, они закружились вокруг фонтана. Гости, успевшие приложиться к фалернскому, со смехом глядели на их непристойные ужимки. Представление «Шествие Вакха» длилось довольно долго и исчезло так же стремительно, как и началось.

Поглядывая на смуглых девушек, танцевавших томный восточный танец, гости лакомились фруктами, привезенными из Африки, и обсуждали скандальные новости Форума.

Катулл, словно издалека, слышал вокруг себя манерные интонации причудливо переплетавшихся женских и мужских голосов. Еще дальше раздавалось глухое постукивание бубна. Эти звуки доносились сквозь охватившее его оцепенение, и то, что должно было произойти с минуты на минуту, представлялось ему несбыточным.

– А, вот они идут... – произнес Аллий.

Катулл обернулся и увидел Меммия рядом с Фульвией в бледно-лиловом пеплуме и Мунацией в пурпурном паллии. Справа от них плыло видение белоснежного невесомого облака, освещенного лучом солнца, – такой показалась Катуллу Клодия.

С приветственным восклицанием Аллий поспешил им навстречу. Сдерживая лихорадочную дрожь и растянув губы в улыбке, Катулл шагнул в том же направлении. Матроны приблизились. Аллий горстями разбрасывал шутки и похвалы. «Вот наш Катулл, шалуны... Помните его? То-то. Теперь и Клодия будет его знать. Чего же ты молчишь, Гай? Скажи что-нибудь жене сенатора Целера, да не опускай голову так низко, а то еще упадешь...» – веселье круглолицего Аллия было неисчерпаемо.

– Ты не даешь Катуллу слова сказать, – насмешливо перебила толстяка Клодия.

Веронец вдруг заговорил торжественно и несколько невпопад:

– Смертному невозможно не преклоняться перед твоей красотой. Кажется, будто видишь Венеру, выходящую из пены волн на золотой песок Амафунта¹³⁴... – Он старался быть возможно любезным и предпочел выражаться в приторно-вязком тоне.

– Ну вот, такие гимны поют мне все мужчины с утра и до вечера... – сказала Клодия с безмятежной откровенностью.

– Гораздо удачливее те, что поют их тебе с вечера до утра, – прибавил хитрым голосом Аллий.

Оба рассмеялись этой пошлой двусмысленности, как дети, которым надоело вести себя благовоспитанно. Клодия не чванилась, не кокетничала и не сдерживала себя ни в чем, уверенная, что все сделанное ею будет вполне достойно ее красоты.

Среди аристократов стало модным подражание безыскусственности простонародья. Разве не увлекательно сочетать утонченность ума и роскошные привычки с солдатскими островами и замашками прачек? Клодия тоже предпочитала самую смелую, даже вызывающую манеру поведения.

Катулл тяжело вздохнул, стараясь отогнать мысль о ее доступности. Он не мог преодолеть благоговения перед внешним совершенством и очаровательной доброжелательностью патрицианки:

– Я не сказал тебе ничего более возвышенного, прекрасная матрона, потому что волнение помutilo мой разум, язык прилипает к зубам, и в глазах темно, – пробормотал Катулл. – Я ревную тебя ко всем мужчинам и женщинам, дерзко глядящим на твою божественную красоту...

---

¹³⁴ Амафунт – местность на побережье Кипра, где находился храм Афродиты.

Пожалуй, это не совсем походило на приевшуюся любезность светских волокит. Что-то покалывающее нервы было в словах и облике бледного, порывистого веронца. Клодия пристально разглядывала Катулла.

Глухой голос поэта, произносившего изысканные признания, обаяние его ума и поэтической славы начинали действовать возбуждающе на ее капризную и развращенную волю.

Жужжали голоса гостей, гремела музыка, актеры плясали, распевая «кантики»¹³⁵ из комедии Плавта, а Катулл готов был плакать, задыхаясь от невысказанной любви.

– Если бы я мог надеяться, что снова увижусь с тобой, о Клодия, – проговорил он сдавленным голосом, – если бы твоя милость ко мне была хоть... с тысячную долю унции¹³⁶, то я считал бы себя счастливейшим из живых существ, обитающих на земле, и счастливее тех, кому суждено жить после нас.

Клодия немного удивилась, но приняла его тон и ответила ласково, хотя и с легкой насмешкой:

– Хорошо, Валерий, я прикажу своему ювелиру взвесить столь ничтожную частицу золота, сделать цветок и послать тебе как знак моего благожелательного внимания.

– Бедняга не сумеет сработать такую мелкую вещицу, даже если ему пригрозить распятием, – вмешался Аллий. – А знаете ли, – продолжал он, – ваши возвышенные разговоры и похотливые взгляды меня раззадорили. Пожалуй, я побегу сейчас же к задастенькой отпущеннице Ливии...

– О, похабник! – с искренней яростью вскричал Катулл.

Клодия рассмеялась так весело, что на ее ресницах повисли слезы. Рискованное остроумие Аллия, как всегда, имело успех.

Тем временем перед гостями Вариния явились двенадцать флейтистов-виртуозов, приехавших из Афин. Юноши в одинаковых зеленых хитонах приложили к губам флейты, и полились нежные звуки буколического¹³⁷ напева.

Слушая пересвисты флейт, Катулл боялся потерять власть над собой.

Аллий шепнул ему на ухо:

– Не сходи с ума, петушок. Что ты вытаращился, как будто никогда ее больше не увидишь? Уверен, что она решила не упускать такого красноречивого поклонника. Взгляни лучше назад, там стоит здоровенный, как борец, малый, смуглый и бравый... видишь? Это Марк Антоний, родственник Цезаря. Будучи претором Македонии, дочиста ограбил и разорил всю страну. По беспутству он считается одним из первых в Риме. Вот и теперь, гляди-ка, приволок в самое избранное общество свою любовницу, актрису-гречанку... Справа от них юная, тоненькая, очень миловидная вдовушка Сервилия. Говорят, Цезарь так ею прельстился, что подарил малютке черную жемчужину, оцененную в шесть миллионов. А там... смотри внимательно! Подошел к хозяину... повернулся сюда... чешет голову мизинцем, чтоб не испортить прическу... Это муж Клодии, наместник в Цизальпинской Галлии и Иллирии, Метелл Целер.

Катулл с враждебным чувством разглядывал грузного, широкоплечего сенатора лет сорока пяти. Ему показались отвратительными тяжелые челюсти, толстая шея, неподвижные глаза и редкие волосы, начесанные на лоб. В облике Целера ощущалась холодная и уверенная сила, выпяченная нижняя губа указывала на высокомерие, а тучный живот и красноватый мясистый нос обличали пристрастие к застольям. Знатный род, богатство и непреклонность при защите позиций оптиматов создали Целеру положение одного из столпов сенатской аристократии.

---

¹³⁵ Кантики – песенки, шуточные куплеты.

¹³⁶ Унция – около 30 граммов.

¹³⁷ Буколический – буквально: пастушеский, здесь – безмятежный, мелодичный.

Клодия заметила появление Целера, но не подошла к нему. Она немного отодвинулась от Катулла и стала расспрашивать Мунацию о каких-то пустяках.

Музыка смолкла. Флейтисты удостоились снисходительного одобрения гостей.

– Во времена наших дедов такие выступления казались скучной и непонятной диковиной, – сказал Меммий. – Случалось, зрители бросали в музыкантов грязью или тухлыми яйцами, а наниматель заставлял их подраться, чтобы пинки и затрешины немного развлекли римскую знать. Для меня же музыка значит не многим меньше, чем поэзия.

Среди гостей появился улыбающийся хозяин. Он посылал воздушные поцелуи матронам и раскланивался во все стороны. Он сыпал любезностями, и ответные любезности сыпались на него. Представительный раб провозгласил звонким голосом, что сенатор Публий Вариний благодарит всех, милостиво одаривших его своим вниманием, и просит гостей перейти в дом для продолжения праздника.

– Это означает, – пояснил опытный Аллий, – что сенаторы со своими женами приглашаются в главный триклиний за один стол с хозяином. Остальные могут расположиться в соседних комнатах или напиться прямо в саду...

Катулл шагнул к Клодии, но, опомнившись, замер. Он не решался еще раз просить ее о встрече и чувствовал себя глубоко несчастным. Клодия посмотрела на него с загадочной улыбкой и слегка кивнула Мунации.

– Мой муж уехал в Синуэссу, на горячие ключи, у него разыгралась подагра, – сказала Мунация. – Через два дня, в свой день рождения, я буду рада видеть друзей. Прошу тебя, Клодия, и тебя, Катулл, не забыть одинокую, больную старушку Мунацию.

– О, благодарю, благодарю тебя... за приглашение! – воскликнул Катулл не в силах сдерживать мальчишескую радость.

– Что делать, я должна идти к мужу, – с сожалением сказала Клодия. – У этого тупицы Вариния соблюдается старинный обычай, по которому во время трапезы жена должна сидеть в ногах своего супруга, как рабыня. Чтоб его истерзали Эринии¹³⁸ и порвали бешеные собаки!

Только теперь Катулл заметил, что они привлекают общее внимание. Но разве могло быть иначе? Красота Клодии явилась мишенью для множества завистливых взглядов. Приглушенные пересуды ползли смрадным душком, кривились в усмешке мокрые губы сплетников и развратниц. Вот общество, о котором мечтал для него отец, – Катулл мрачнел от сознания своей отчужденности спесивому и злонравному сборищу знати.

Зато Клодия презирала их ровно настолько же, насколько они осуждали ее дерзкое своеволие. Спокойно и холодно глядя перед собой, она будто не замечала, что наступает на полы сенаторских тог и златотканых паллиев.

Клодия подошла к Целеру, они обменялись вежливыми приветствиями, как чужие. Клодия положила два пальца на локоть мужа. Ее движения были снисходительны и небрежны. Целер сказал что-то, почти не раскрывая рта, и они медленно последовали за другими парами, направлявшимися в триклиний.

Вечером, когда гости вышли в сад, Катулл снова увидел Клодию. Она оживленно разговаривала со своими соседями. Целер стоял рядом, самодовольно ухмылялся и, прикрываясь платком, икал.

Аллий опасался, как бы захмелевший Катулл не допустил какую-нибудь непростительную выходку.

– Да успокойся ты наконец, – увещевал он веронца, – все равно сегодня тебе уж к ней не подойти. По-моему, они собрались уезжать. Через два дня встретишься со своей богиней у Мунации. Чего тебе еще? Клодия не из тех, кто заставляет поклонников долго страдать. Взгля-

---

¹³⁸ Эринии – мифические чудовища – богини мщения.

нем-ка лучше на их отъезд. Право, стоит. Либурна¹³⁹ покрыта резьбой и позолотой, задрапирована канузскими тканями, наверху золотой Меркурий, на кистях самоцветы... А каковы гиганты носильщики! Прямо двуглазые циклопы¹⁴⁰! Позади черноликие нумидийцы и служанки, под стать своей госпоже! Впереди скороходы с тростями, и трубачи, и глашатаи... Боги, какое великолепие! Целер-то, оплот праведных нравов, первый нарушает закон об ограничении роскоши... Хорош, нечего сказать! И до дома-то им не больше двух шагов, а сколько шума и блеска!

Катулл стал прощаться с Аллием и Меммием.

– Доберешься ли ты без провожатого? – забеспокоился Аллий. – В темноте скрываются беглые рабы и ужасные призраки. Ты хоть и не сильно пьян, но совсем ополоумел...

Катулл отказался просить у хозяина раба с факелом. Тогда Меммий протянул ему короткий меч, припасенный для ночной прогулки.

– Возьми, все может случиться, – сказал он. Покинув постылое палатинское веселье, влюбленный Катулл уныло побрел к себе на Квиринал.

---

¹³⁹ Либурна – род крытых носилок.

¹⁴⁰ Циклопы – одноглазые великаны из «Одиссеи» Гомера.

V

На другой день Катулл отправился в скромные термы¹⁴¹, нанял банщика, приказал ему свести с тела волосы и умастить кожу. После мытья он лежал на скамье и дремал.

В круглый водоем с журчанием стекала вода. Поодаль цирюльник брил толстопузого торговца, развлекая его похабными анекдотами. Трое стражников, сменившихся после ночного дежурства, распивали с усталым достоинством кувшин дрянного вейентского.

Откинув простыню, Катулл разглядывал свое тело. Оно блестит теперь, словно начищенный пемзой свиток папируса. Ни один волосок не безобразит его ног и груди. Подмышки выбриты, лобок гладок, как у десятилетнего мальчишки. Дурацкий обычай процветает в Риме. Не гнусно ли превращать тело мужчины в подобие бабьего! Но друзья советовали ему готовиться на всякий случай, чтобы не оскорбить аристократического вкуса знатной красавицы. Катулл последовал иронически мудрому совету, хотя ему и представить было странно, что столь мучительно желанный случай может произойти.

Дома Тит подал ему обед и пожаловался на рыночные цены. Он качал головой и хмурился, глядя, как Гай Валерий равнодушно ковыряет салат с яйцами, копченую камбалу, свинину с горохом. Обед остался почти нетронутым. От вина Катулл отказался, выпил холодной воды и растянулся на ложе.

И снова видение смеющейся Клодии возникло перед ним. Он вспомнил, как Мунация сказала с нескрываемой завистью:

– Клодия поразительно сохранилась при таком бурном образе жизни. Ведь ей больше тридцати, а выглядит она на десять лет моложе. Может быть, ее врачи знают тайну продления молодости?

Цвет лица Клодии изумлял свежестью, кожа – упругостью и белизной, движения – грацией и свободой. Разумеется, все снадобья и ухищрения были использованы для поддержания божественного юного облика. И другие матроны стремились к тому же, но никто не достигал такого успеха.

Клодия даже не подкрашивала свои обольстительные губы и не сурьмила от природы черные, изогнутые ресницы. Низкий и ясный лоб – словно мрамор без малейшего изъяна, нос – совершенное явление красоты, овал лица – почти Фидиевой¹⁴² богини... почти – потому что древняя этруская кровь сказывалась в некоторой широковатости скул, особенно заметных, когда Клодия улыбалась. В этой погрешности перед классическим идеалом заключалось довершающее и необъяснимое очарование Клодии, похожей на белокурую женщину кельтов.

Своим пышным, светло-каштановым волосам она придавала золотистый оттенок и укладывала в высокую прическу. Огромные, чуть косящие глаза Клодии постоянно меняют выражение: в них то нежность и кротость, то надменная уверенность, то грозный вызов могучей хищницы. И цвет глаз меняется – от безмятежной небесной лазури до взволнованной морской синевы.

Клодия была среднего роста, но казалась высокой из-за прически и редкой стройности. Ее тело, отлично развитое греческими танцами и гимнастикой, прославилось в Риме, Байях, Неаполе, везде, где она появлялась, вызывая восхищенные пересуды и завоевывая новых поклонников.

– Позволить себе увлечься этой палатинской Венерой, – полусерьезно, полушутливо говорил Кальв, – значит превратиться в мотылька, летящего к беспощадному пламени.

¹⁴¹ Термы – общественные бани.

¹⁴² Фидий (V в. до н. э.) – великий скульптор Эллады.

Катулл не слушал его предостережений. Он не мог сейчас ни видаться с друзьями, ни убивать время среди крикливой толпы.

Два дня он не выходил из дома и, чтобы успокоиться, перебирал папирусы и таблички. Вот его перевод Сафо, великой поэтессы, искренней и страстной души, страдавшей от неразделенного чувства. Теперь не в ночных грезах, а наяву встретил Катулл красавицу, которая своим обликом вызвала в нем такую же бурю нежности и ревнивого отчаянья, что и стихи лесбосской волшебницы.

Где ты, смуглая, горячая, трепещущая Сафо! Ты словно передала обаяние своей певучей поэзии глубокому взору гордой римлянки, и Катулл никогда не сможет забыть о тебе.

VI

Ни мозаичными полами, ни росписями потолков и стен дом Мунации не отличался от других домов римской знати, хотя даже в сравнение не мог идти с дворцами магнатов. Однако собранные в нем скульптуры и картины греческих мастеров, египетские и коринфские вазы делали его небольшие залы настоящей сокровищницей.

– Мой муж и его покойный отец потратили огромное состояние, перекупив у барышников все эти ценности... – рассказывала Мунация, показывая гостям награбленные завоевателями произведения искусства. – Вы можете сравнить статуи учеников Поликлета¹⁴³ и ваятелей Танагры¹⁴⁴. Вот небольшой бюст самого Лисиппа, напротив чеканка знаменитого Мия¹⁴⁵, дальше прекрасная александрийская глиптика¹⁴⁶ – профили Александра и Птолемея...

Рассеянно слушая, Катулл не отводил взгляда от лица Клодии. Аллий ухмыльнулся: Катуллу было явно не до скульптур.

– Это школа великого Апеллеса¹⁴⁷, – продолжала объяснять Мунация. – Так замечательно передана натура, что хочется взять в руки кисть винограда или присоединиться к веселью нимф, купающихся в ручье...

День рождения Мунации проходил на редкость церемонно и скучно. Среди гостей расхаживала почтенная седая матрона. Она улыбалась синеватыми губами и говорила любезности лживым, холодным голосом. На ее увядшем лице можно было заметить тщательно скрываемую ненависть к жене сына.

Родственники и друзья дарили виновнице торжества дорогие благовония, перстни и золотые цепочки. Мунация повернулась к Катуллу, ожидая, по-видимому, поздравительных стихов.

Накануне Катулл находился в затруднении, не зная, что выбрать для подарка избалованной матроне.

Его выручил знакомый актер Камерий.

– Даже если ты отдашь все деньги до последнего асса, – сказал он, – то и тогда никого не удивишь, а сам останешься без хлеба. Благодарю преданного Камерия, дорогой Катулл, вот тебе изысканный подарок – театральная маска великого Квинта Росция, которой он, правда, пользовался редко, предпочитая выступать с открытым лицом. Для тщеславной аристократки, играющей в любительницу искусств, трудно найти более подходящую вещь. Не сомневайся, это не фальшивка, вот и собственноручная подпись Росция... Реликвия обошлась мне довольно дешево: пол-урны красного велитернского сторожу театрального склада, и дело сладилось.

Маска актера, еще десять лет назад гремевшего на подмостках Рима и оставившего по себе легендарную память, вызвала завистливые восклицания у гостей Мунации.

Стихи в честь хозяйки произнес Меммий. Присутствующие одобрительно рукоплескали, а Катулл наклонился к уху Клодии, чувствуя, как у него дрожит сердце.

– Будь снисходительна, я дерзнул посвятить тебе несколько строчек... – прошептал он.

Пока гости Мунации восхищались стихами Меммия, Катулл украдкой достал табличку. Он так волновался, что у него побелели губы.

– Будь снисходительна, – еще раз пробормотал он, с беспокойством глядя, как она читает.

¹⁴³ Поликлет (V в. до н. э.) – великий греческий скульптор, великолепно изображавший могучие тела атлетов.

¹⁴⁴ *** Скульпторы из греческого города Танагры прославились красотой своих небольших по размеру, но очень изящных терракотовых статуэток.

¹⁴⁵ ** Мий – афинский чеканщик.

¹⁴⁶ * Глиптика – искусство резьбы по камню (геммы, камеи).

¹⁴⁷ Апеллес (II в. до н. э.) – великий греческий живописец, стремившийся при передаче природы достигнуть иллюзии действительности.

– Если бы эти прекрасные стихи были на греческом, – улыбаясь, сказала Клодия, – я бы подумала, что они принадлежат Сафо.

Катулл поразился ее образованности и интуиции.

– Ты права, здесь в основе – чудесный эпиграммический лесбосской поэтессы... Я хотел, чтобы на языке римлян чувства влюбленного выражались не хуже, чем ужас кровавых сражений и доблесть героев. Стихами Сафо мое сердце говорит о высокой и чистой страсти...

– Ко мне? – притворно удивилась Клодия и покраснела неожиданно для себя самой.

– К тебе, о божественная, о Лесбия...

Клодия торжествующе, губительным, неподвижным взглядом смотрела прямо в глаза веронцу.

VII

Издатель Спурий Кларан, человек умный и опытный в своем деле, разглядывал только что переписанный стихотворный сборник. Последнее время любители латинских стихов гонятся за легковесной и манерной поэзией. Что ж, если им нравятся бестолковые и неприличные излияния, он будет издавать эту чепуху, лишь бы за нее охотно платили.

Видимо, прошла эпоха величественных громкозвучных поэм. И хотя сенат каждый год заказывает Кларану трагедии Энния, «римский Гомер» пылится на прилавках и складах. А сборник, составленный выложенным чистюлей Валерием Катонем, расхватывают в два дня.

Надо сказать, книжечка получилась нарядная – расчерченная красным, с лакированным шариком на скалке, в пестром футляре. Такая сразу бросится в глаза покупателю. Катон уже получил от Кларана пятьсот денариев только за первый выпуск. Ничего не поделаешь! Приходится отдавать «новым поэтам» груды серебра, потому что и сам издатель, и хозяева книжных лавок приобретают тройной барыш именно от таких пустяков.

Кларан научился безошибочно разбираться в бурном море поэзии, которое плещется в окна издательства и грозит его затопить. Поступают десятки стихов ежедневно. Их приносят важные богачи и голодные оборванцы, застенчивые девушки и развязные верзилы с сумасшедшими глазами. Всем надо дать ответ – благожелательный, холодно-вежливый или резкий, в зависимости от обстоятельств. Одним следует заплатить (иной раз и немало, о боги!), другие платят сами, лишь бы увидеть свои произведения опубликованными.

Сборник Валерия Катона – другое дело: это верный доход и слава издательства. Начинается он стихами самого Катона, довольно заковыристыми и учеными, такие теперь тоже в моде. Потом идут недурные элегии Корнифиция, Тицида и Кальва. Их имена с обожанием произносят разнаряженные вертихвостки и самовлюбленные юнцы. В книжке есть также несколько столбцов Меммия, Фурия, Руфа – они, как и остальные, подражают придворным александрийским стихоплетам, что, по мнению Кларана, позор для настоящего римлянина. Но лучший в сборнике, конечно, Катулл. Его эпиграммы и безделки начали появляться около года назад. Правду сказать, веронец умеет подбирать такие слова, от которых кровь ударяет в голову. Отдавшись пылкому чувству, он высказывает без всякого стыда все, чем полно сердце. Наверное, потому Катулл нравится и простонародью, и знати.

На этот раз в сборнике его прекрасный перевод из Сафо. А кроме того, и слюнявая детская вещица, в которой он обращается к воробью, живущему в доме некой красавицы, и завидует ему, мечтая о прикосновении ее нежных пальчиков. Впрочем, Кларан знал, о ком идет речь. Недавно ему показали белокурую матрону с лицом олимпийской богини. Это была Клодия, жена сенатора Целера. Ее сопровождало несколько щеголей; Катулл выделялся среди них вызывающим хохотом и беспокойным взглядом. Ему явно не хватает благородного воспитания, и, судя по всему, Клодия здорово запутала его в своих сетях.

Кларан вызвал из мастерской старшину переписчиков и протянул ему проверенный свиток:

– Ладно, Алекс, можно пригласить Дециана и передать ему для начала три сотни сборников.

– А сколько оставить плешивому хрычу Гавию? – спросил раб, усмехаясь (он знал, в каком тоне хозяин предпочитает с ним говорить).

– Оставь ему столько же, пусть подавится, мерзкая образина.

– Не много ли Гавию, господин? – усомнился Алекс, почесывая подбородок, чтобы показать свою озабоченность и преданность интересам хозяина. – Он что-то стал не так оборотист, как прежде.

– Ничего, книжка разойдется – мигнуть не успеешь. Хоть по мне эти «новые поэты» – сущая дрянь, и сам Цицерон поносит их на чем свет стоит, но... главное для меня – римский народ. Клянусь жизнью! Публика желает читать подражания манерным грекосам и всякую всячину наподобие похабных стишков Катулла. Что ж, таковы нравы – нам важно знать вкусы людей. Они расплачиваются за свои пристрастия не медными квадрантами, а серебром... Боги, какая честь! – Кларан рысцой побежал к двери, в которую входил оратор Гортензий Гортал с рабом-номенклатором¹⁴⁸.

– Кларан, издатель, – произнес номенклатор из-за плеча Гортензия.

– Знаю... – отмахнулся оратор. – Неужели ты думаешь, я забыл имя своего издателя? Привет тебе, любезный Кларан. Милостивы ли боги к твоему поприщу?

– Я счастлив услышать вопрос участия из уст великого Гортензия!

– Когда дело касается трудов, полезных отечеству, между римлянами не должно быть никаких церемоний, – произнес Гортензий, самодовольно улыбаясь. Он сел в кресло, торопливо придвинутое Клараном, и взял у раба несколько исписанных табличек.

– Чем соизволишь обрадовать? – подобострастно спросил издатель. – Это твои божественные речи или пленительные стихи?

– Нет, здесь нечто совсем иное. Я составил книгу с рецептами всевозможного приготовления павлиньих яиц. Уверен, что она заинтересует изысканную публику.

– О, всемогущие боги! – всплеснул руками Кларан. – Какая разносторонность ума! И в этой области знания ты решил оставить потомкам свои мудрые советы!

– Выпусти книжку в небольшом количестве, но прикажи красиво оформить, – продолжал Гортензий. – А что там у тебя на столе?

– Стихи молодых поэтов, которых Цицерон называет презрительно «неотериками»...

– Ну, Цицерон все хочет петь неуклюжие песни столетней давности. Мне нравится Валерий Катон и его друзья, и особенно этот... как его...

– Катулл, – подсказал номенклатор.

Кларан сделал лукавый и понимающий вид. Отвернувшись от его фальшивых улыбок, Гортензий развернул свиток.

– Ты своего не упustiшь, – подмигнул он Кларану. – Эти юноши принесут тебе немалый доход. Я первый куплю десяток сборников в подарок друзьям.

– О, несравненный, я велю принести книги в твой дом.

– Что же до Катулла, то, даю слово, о нем скоро будет говорить весь Рим. Или я ничего не смыслю в нынешней поэзии.

Гортензий распрощался с издателем и продолжал прогулку. На углу Табернолы он увидел элегантно одетых молодых людей, вышедших из двери замызанной плебейской попины. Многие аристократы считали особым щегольством побывать в таком заведении среди грузчиков и мастеровых, поесть вареной бараньей головы и выпить прокисшего ватиканского.

Гортензий узнал Аллия, Руфа, Корнифиция и Катулла. Они подталкивали друг друга, прищелкивали пальцами и обсуждали, как видно, что-то забавное. Встретившись с Гортензием, молодые люди перестали хохотать и учтиво приветствовали знаменитого оратора.

¹⁴⁸ Номенклатор – раб с хорошей памятью, напоминающий господину имена встречаемых знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.